
А.Я. Рубинштейн

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ПАТЕРНАЛИЗМА

Москва
Институт экономики
2015

Рубинштейн А.Я. Институциональная эволюция патернализма. — М: Институт экономики РАН, 2015. — 68 с.

ISBN 978-5-9940-0548-4

Настоящий доклад представляет итоги трехлетнего исследования автора в рамках темы «Критика базовых предпосылок экономического анализа и обоснование новых теорий». В первой части работы рассмотрены неоклассические принципы рационального поведения и методологического индивидуализма в контексте изучения природы патернализма, лежащего в основе теории опекаемых благ. Во второй и третьей частях обсуждаются политологические вопросы формирования нормативных интересов общества и рассмотрены прикладные аспекты концепции консоциативной демократии, ограничивающей «диктатуру» парламентского большинства. В результате теоретического анализа выявлена закономерность эволюции патернализма в сторону его институциональной либерализации.

Ключевые слова: опекаемые блага, рациональное поведение, индивидуализм, релятивизм, мериторика, патернализм, консоционализм, институты.

Классификация JEL: C70, C72, D5, D6, D7, H41, Z28.

Rubinstein A.Y. The Institutional evolution of paternalism. — Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2015. — 68 p.

ISBN 978-5-9940-0548-4

The present report represents the results of three years of studies of the author under the theme "The criticism of the basic prerequisites of economic analysis and the substantiation of new theories." In the first part of the paper the principles of neoclassical rational behavior are considered as well as the principles of methodological individualism in the context of study of the nature of paternalism that underlies in the basis of the theory of patronized goods. The second and third parts discuss the political science's aspects of the formation of regulatory interest of society and applied, or practical aspects of the concept of consociational democracy are considered, limiting the "dictatorship" of the parliamentary majority. As a result of theoretical analysis, a regularity of evolution of paternalism towards its institutional liberalization is revealed.

Keywords: patronized goods, rational behavior, individualism, relativism, meritocrics, paternalism, consociationalism, institutions.

JEL Classification: C70, C72, D5, D6, D7, H41, Z28.

© Институт экономики РАН, 2015
© Рубинштейн А.Я., 2015
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Базовые предпосылки	6
1.1. Иррациональность и патернализм	9
1.2. Релятивизм vs индивидуализм	15
Глава II. Институциональная либерализация	26
2.1. Коллективные решения	28
2.2. Против «тирании большинства»	31
2.3. Институты консоциализма	35
Глава III. Консоциативный патернализм	39
3.1. Базовые институты	41
3.2. Институты общественных финансов	43
Заключение	49
Приложение	55
Литература	58

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий доклад посвящен развитию «Теории опекаемых благ» и представляет итоги трехлетнего исследования автора в рамках плановой темы «Критика базовых предпосылок экономического анализа и обоснование новых теорий» (Государственное задание № 0166–2014-0012). В нем представлены результаты, обобщающие три предыдущих научных доклада по указанной теме, с которыми автор выступил на постоянно действующем семинаре «Теоретическая экономика»: «Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии» (2013); «Методологический анализ теории опекаемых благ» (2014); «Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное» (2015). В дополнение к этому в настоящей работе нашли отражение наиболее важные положения, содержащиеся в публикациях и выступлениях автора на российских и международных конференциях в 2013–2015 гг. (см. прил.).

Наряду с обсуждением методологических проблем, связанных с критикой базовых предпосылок экономического анализа, в данной работе продолжена дискуссия о социальном либерализме в контексте теории опекаемых благ и институциональной эволюции патернализма (Рубинштейн (2012), Либман (2013), Тамбовцев (2013), Курдина (2014), Автономов (2014), Заостровцев (2015), Мельник (2015), Аврамова (1915), Полтерович (2015), Якобсон (2016)), организованная журналом «Общественные науки и совре-

менность» и ставшая главной темой XIV конференции из цикла «Леонтьевские чтения» (С.-Петербург, 2015), где автор выступил с пленарным докладом «Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное» (Рубинштейн (2015)).

Отмечу также, что существенным дополнением к исследованиям автора в области экономической теории стали представленные в настоящей работе политологический анализ процессов формирования нормативных интересов социума и обсуждение соответствующих институтов, отвечающих принципам консоциативной демократии (Lijphart (1977, 1999), Ferejohn (2000), Heywood (2002), Лейпхарт (1997), Нджоку (1999), Ормонбеков (2007), Симон, Фурман (2015)). Эта часть доклада, посвященная проблемам институциональной либерализации патернализма, кажется мне перспективным направлением дальнейшего развития теории опекаемых благ.

БАЗОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Анализируя журнальную дискуссию, посвященную социальному либерализму, превратившуюся во многом в обсуждение мотиваций государственной активности, затронувшее самые разные аспекты этой важнейшей составляющей современной экономики, подчеркну, что с точки зрения философии и методологии экономической науки она вновь вывела на авансцену категорию патернализма¹ с характерным для него нормативным содержанием. Если же сузить патернализм до границ опекаемых благ, оставляя в стороне традиционные для этой категории патриархальные аспекты «отцовской заботы» государства о своих гражданах, избегая как негативную коннотацию данного понятия, так и его социальную интерпретацию в контексте «социальной защиты» или «поддержки социальной сферы», то в центре внимания остается сама государственная активность.

-
1. Не забывая критического анализа Дж. Локка (*Локк (1988)*), следует отметить, что сам термин «патернализм» впервые появился в конце XIX столетия (*Pique de Bry (1980)*). Некоторый всплеск внимания к понятию «патернализм» наблюдался в конце XX столетия для описания соответствующего типа социально-трудовых отношений (*Perrot (1979)*, *Debouzy (1988)*, *Noiriel (1988)*, *Темницкий (2015)*) и в рамках поведенческой экономики, предложившей концепцию либертарианского или нового патернализма (*Sunstein, Thaler (2003)*, *Thaler, Sunstein (2008)*, *Camerer et al. (2003)*). См. также (*Лефевр (2008)*, *Капелюшников (2013а, б)*).

Предваряя данную работу, хочу обратить внимание на один специальный вопрос, уточняющий связь государственной активности и патернализма: могут ли быть такие действия государства, которые не обусловлены патернализмом? С позиций теории опекаемых благ в этом вопросе смысла нет — любое вмешательство государства в рыночные отношения, включая осуществление его экономической, социальной или иной политики, в основе своей всегда имеет некие нормативные установки «патера». Поэтому неважно, чем они обусловлены — выводами макроэкономических моделей, чисто политическими решениями, вызванными соответствующими ценностными предпочтениями или иными соображениями, включая общие задачи либерализации экономики².

При этом теория опекаемых благ рассматривает государственную активность, относящуюся к различным сторонам экономической деятельности — изъянам рынка, общественным и мериторным благам, «болезни Баумоля» и т.п. (*Рубинштейн (2009а)*). Речь идет о воспроизводящихся рыночных провалах и не менее регулярных провалах государства; в реальном мире нет условий, когда механизмы саморегулирования способны действовать безошибочно, как и нет исключительно верных государственных решений, которые бы устраняли изъяны рынка и реализовали общественные интересы. Добавлю, что и общественные блага, индивидуализация которых может лишь смягчить действие закона Вагнера, всегда остаются мотивом государственной активности. По-видимому, не исчезнет и «воспитательное» стремление государства приблизить поведение индивидуумов к неким желательным для общества нормам (*Якобсон (2016, с. 6–7)*), что многократно подтверждают эмпирические исследования в рамках концепций мериторных благ, поведенческой экономики и либертарианского патернализма.

Подчеркну, в этих рассуждениях нет попыток оправдания патернализма и тем более возврата «... к трактовкам государственных

2. Отмечу парадокс, на который обратил внимание Э. Паин, выступая 12 октября 2015 г. на заседании круглого стола, организованного «Либеральной миссией». Он заметил, что сам либерализм есть дитя патернализма, ибо идеи либерализма, если не исходить из его божественной природы, появились исторически недавно и развивались в обществе благодаря соответствующим установкам «патера», в роли которого выступали отдельные мыслители и политические лидеры.

финансов полувековой давности» (Тамбовцев (2014, с. 33))³. Речь идет о теориях, которые объясняют государственную активность с пониманием того, что она всегда носит нормативный характер, но далеко не всегда направлена на рост благосостояния общества и его членов⁴. Ситуация вряд ли изменится и при особом сценарии развития, когда индивидуум, рынок и государство будут эволюционировать в соответствии с «коллаборативизмом» (Полтерович (2015, с. 45–47)). Даже в этом оптимистичном случае нельзя, наверное, обойтись без государственной активности, которая может приобрести и какие-то иные формы⁵.

Иначе говоря, государственная активность, по природе своей имеющая патерналистское содержание, судя по всему, навсегда останется элементом экономических отношений и никогда не сможет исчезнуть, разве что в мечтах анархо-синдикалистов (Дамье (2010)) и последователей политического индивидуализма (Шумпетер (2001, с. 1171)) или в абстрактных моделях, где выполняется совокупность неких идеальных условий. При этом неоклассическая теория с ее жесткими исходными условиями не дает удовлетворительного описания такого поведения государства. Поиск же адекватных объяснений толкает к пересмотру ее некоторых базовых предпосылок и на этой основе к ее модификации.

3. Замечу также, что если под социально-значимыми благами (СЗБ) В. Тамбовцев понимает то же самое, что и создатели КЭС, которые вслед за Масгрейвом (еще в 2000 г.) предложили такие товары и услуги (*merit goods*) называть мериторными благами (Гринберг, Рубинштейн (2000)), то его критику концепции мериторных благ (СЗБ) никак нельзя назвать новой. Она лишь повторяет старые антимериторные аргументы (Head (1988), Schmidt (1988), Tietzel, Müller (1998), Müller, Tietzel (2002), Grinberg, Rubinstein (2005), Рубинштейн (2008б, 2009с)). При этом следующая характеристика СЗБ – «иногда их называют «мериторные» или «опекаемые блага» (Тамбовцев (2014, с. 28)), заставляет усомниться в корректности использования этих понятий. Хронологически более точно, наверное, говорить, что мериторные блага «иногда» называют СЗБ, но никогда их нельзя представлять в качестве «опекаемых благ», ибо являются только частью последних (Рубинштейн (2009а)).
4. Отмечу здесь несколько запоздалую критику Андреем Заостровцевым «нормативно-позитивного вектора» государственной активности (Заостровцев (2015, с.65)), основанную на прежних моих работах, где не было ясно сказано, что нормативные установки «патера» могут носить и негативный характер. В докладе на «Леонтьевских чтениях» 2015 г. этот недостаток был устранен. См. также: (Рубинштейн (2015, с. 6, 33–34)).
5. Приведу слова английского философа, автора книги «Либерализм», Герберта Самуэля: «долг государства – обеспечить всем своим членам и всем другим, на которых распространяется его влияние, полнейшую возможность вести наилучшую жизнь (Самуэль (2010, с. 2)).

1.1. Иррациональность и патернализм

Начну с фундаментального условия рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидуум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние. Все остальное делает «невидимая рука», обеспечивающая благосостояние общества, которое дефинитивно представляется как агрегат благосостояний индивидуумов. Если же возникают потери общественного благосостояния, то они объясняются провалами рынка и служат обоснованием государственных интервенций, направленных на их устранение. Не развивая этот известный сюжет, подчеркну главное — принципиальным допущением данной теории является строго рациональное поведение индивидуумов, максимизирующих свое благосостояние.

Регулярная критика этого «идеального условия», начавшаяся, по-видимому, с Торстейна Веблена, сопровождает данный онтологический принцип всю последующую его историю. Первая значимая ревизия данной предпосылки связана, наверное, с работами Джорджа Катона (*Katona (1951)*) и Герберта Саймона (*Simon (1955)*). Последний подверг сомнению способность людей правильно оценивать свой выбор (*Simon (1955)*, *Саймон (1993)*). Он же ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию «ограниченная рациональность» (*Simon (1955, 1957)*). После работ Саймона стало все чаще проявляться скептическое отношение к постулату рациональности.

Ослабление этого «идеального условия» нашло отражение в теориях общественных товаров и мериторных благ, где было снято «табу» с иррационального поведения индивидуумов. И если в теории общественных товаров «неправильные» решения признавалась лишь косвенным образом — объясняя «фрирайдерство», Пол Самуэльсон ввел в научный оборот «ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо» (*Samuelson (1954)*), то в мериторике Ричарда Масгрейва были описаны стандартные случаи иррационального поведения (*Musgrave (1959, 1994)*).

В соответствии с особыми свойствами общественных товаров, индивидуумы сознательно скрывают свои предпочтения. В мериторной же среде, искаженный сигнал о спросе возникает из-за неосознанной иррациональности. Скепсис в отношении оптимизирующего поведения людей, как бы ни были определены их интересы, собственно и породил мериторику с ее явно выраженным мериторным патернализмом и вмешательством в потребительские предпочтения (*Musgrave (1959, p. 13), De Amico (2009)*).

Другими словами, в теории общественных товаров и мериторике, допускающих нерациональные действия индивидуумов, приходится отказываться от австрийского субъективизма. Признавая сам факт иррациональности, исследователь вынужден иметь в виду и такое поведение, которое можно назвать рациональным⁶. Подобная дихотомия неизбежно приводит к двум «стандартам оценки» и порождает в рамках исходных предпосылок неразрешимые вопросы — что считать поведением индивидуума, соответствующим его «истинным» предпочтениям, и как реальное поведение соотносится с тем, что признано рациональным?

Ничего не добавляет здесь и известная модель Р. Талера, Х. Шеффрина, постулирующая «раздвоение личности» — одновременное исполнение человеком ролей безвольной жертвы искусителя («Я-исполнитель») и ее рационального антипода и «гордости создателя» («Я-программатор»). Если «исполнитель» ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то «программатор» стремится к реализации долгосрочных и просвещенных интересов (*Thaler, Shefrin (1981, p. 392–406)*)⁷. Как бы ни объяснять эту двойственность, подчеркну главное — сам факт дестабулирования иррационального поведения означает пренебрежение принципом

-
6. Несколько в другом контексте на это же обратил внимание Джованни Дози: «Выражение «ограниченная рациональность» мне не нравится, в нем содержится намек на некую «олимпийскую рациональность», с высот которой мы можем судить, насколько «ограничено» то, что ограничено» (*Dosi et al (2005), Дози (2012, с. 40)*). Заметим, что австрийский субъективизм отвергает понятия «рациональность» и «иррациональность». «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна. Понятие «рациональная деятельность» избыточно и в качестве такового должно быть отброшено» (*Мизес (2005, с. 22)*).
 7. Опубликованная в «рабочих тетрадах» (*Shefrin, Thaler (1978)*), эта модель восходит к более раннему исследованию, где Ричард Шиффрин и Уолтер Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» — прообраз будущих моделей с множественностью «Я» (*Schneider, Shiffrin (1977a, b)*).

методологического субъективизма, переход к множественности «Я» и фактическую легитимацию патернализма, направленного на поддержку того «Я», которое обеспечивает приближение к нормативным установкам «патера».

Естественно, что теория благосостояния, опирающаяся на рациональность индивидуума, считает, что патернализм подрывает либеральную доктрину. В каком-то смысле это действительно так, но лишь в той мере, в какой принцип рационального поведения можно считать универсальным. При этом в последние 30–40 лет появились исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, которые, хотя и в лабораторных условиях, но получили множество эмпирических подтверждений нерационального поведения людей. В результате, к началу XXI столетия накопилась весьма представительная коллекция «аномалий», демонстрирующих примеры поведения индивидуумов, которые не только склонны ошибаться, но и регулярно делают ошибки (*Kahneman, Tversky (2000), Thaler (2000), Канеман, Тверски (2003), Павлов (2007, 2011), Капелюшников (2013а, б)*).

Предлагаемые обстоятельства потребовали ответа — не вписывающиеся в границы стандартной теории эмпирические факты нуждались в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть также, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «Я», усилили ее и превратили в свой главный методологический прием (*Thaler, Shefrin (1981), Sunstein, Thaler (2003)*)⁸. Иначе говоря, они также пошли по пути отказа от принципа «методологического субъективизма», сохранив и развивая тем самым патерналистский тренд в попытках разрешить противоречие между теоретической предпосылкой рациональности и реалиями иррационального поведения.

Мне бы не хотелось преувеличивать степень перемен в методологии экономической науки. Некоторые экономисты по-прежнему с очень большой настороженностью относятся к пересмотру предпосылки рационального поведения индивидуумов. Думаю, что критика принципа рациональности со стороны мери-

8. См. также: (*Либман (2013, с. 32, 38)*).

торики и поведенческой экономики свидетельствует лишь о некоторых исключениях в моделях рационального выбора, которые, с точки зрения этих теорий, еще нуждаются в более глубоком анализе и соответствующих обобщениях.

Главным же здесь остается иной вопрос: нужно ли в объяснении иррационального поведения людей отказываться от обеих составляющих категории рациональности? Мне кажется, такой необходимости нет. Оставаясь в границах методологического субъективизма с его требованием принимать индивидуальные предпочтения как данность, можно искать решение в иной трактовке оптимизирующего поведения. Дело в том, что в соответствии с методологическим субъективизмом каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности и вкусы, ведет себя в конкретных обстоятельствах субъективно наилучшим образом. И если такое поведение характеризуется как иррациональное или ограниченно рациональное, то это можно объяснить тем, что подобная оценка получена из внешнего источника на основе присущего ему стандарта, с позиций которого люди выбирали не самый лучший вариант, в том числе из-за мериторного дефицита знаний, воли и ресурсов⁹.

При этом и меритория, и поведенческая экономика, и выросшие из них либертарианский патернализм (*Sunstein, Thaler (2003), Thaler, Sunstein (2008)*) и асимметричный патернализм

-
9. Отвакюсь здесь на небольшой комментарий и замечу, что, несмотря на австрийский вердикт де-юре: «В приложении к конечным целям деятельности понятия «рациональный» и иррациональный» неуместны и бессмысленны» (*Мизес (2005, с. 22)*), де-факто Людвиг фон Мизес подтверждает мериторные аргументы иррационального поведения. «Разумеется, всегда будут существовать индивиды или группы индивидов, интеллект которых настолько ограничен, что они неспособны осознать выгоды, которые предоставляет им общественное сотрудничество. Моральные устои и сила воли других настолько слабы, что они не могут сопротивляться искушению добиться эфемерных преимуществ посредством действий, наносящих вред ровному функционированию общественной системы. Ибо приспособление индивида к требованиям общественного сотрудничества требует жертв. Конечно, эти жертвы временны и мнимы, так как с лихвой компенсируются несравненно большей выгодой, которую обеспечивает жизнь в обществе. Однако в данное мгновение, в течение самого акта отказа от ожидаемого наслаждения, они являются болезненными, и не каждый может осознать их будущую выгодность и вести себя соответственно» (*Мизес (2005, с. 140)*). И тот же Мизес страницей раньше пишет: «Утилитарист ... не требует от человека отказа от собственного благополучия ради общества. Он рекомендует ему осознать, в чем состоят его правильно понимаемые интересы» (*Мизес (2005, с. 139)*). Но как все-таки быть с теми, кто не может осознать правильно понимаемые интересы и будущую их выгодность? Не должно ли в этом случае общество создавать условия, чтобы люди могли «вести себя соответственно»?

(*Camerer et al. (2003)*) исходят из того, что действия государства, направленные на изменение сложившихся обстоятельств, способны улучшить, с точки зрения «патера», качество поведения людей, приблизить их предпочтения к некоему нормативному стандарту. И главное достоинство такой конструкции, по мнению лидеров данного направления, заключается в том, что политика подталкивания («*nudge*») устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора (*Sunstein, Thaler (2003, p. 1188)*). Не вполне соглашаясь с этим утверждением, замечу, что само подталкивание — инструментарий, перешедший из мериторики, представляет собой создание условий, при которых индивидуум, выбирая субъективно лучший для себя вариант, реализует нормативный стандарт или, по крайней мере, приближается к нему¹⁰.

Эти рассуждения можно продолжить и в отношении теории игр, которая также опирается на принцип рациональности, и где, как известно, в результате некооперативных действий индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, которое противоречит целям каждого из них. Из-за «несовершенных» правил игры (институциональной среды) рациональное поведение индивидуумов может приводить к потерям благосостояния (*Майерсон (2010, с. 29)*), т.е. к эмпирически наблюдаемой иррациональности (равновесие Нэша). При этом изменение правил игры, в соответствии с тем же патерналистским пониманием «как должно быть», может подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, в которой их предпочтения будут соответствовать нормативному стандарту, обеспечивающему эффективное по Парето равновесие.

Другими словами, методология Нэша дает возможность при тех же обоснованиях патерналистской активности сохранить базовую предпосылку субъективной рациональности индивидуумов, замещая двоемыслие и множественность «Я», присущие мериторике и поведенческой экономике, положением о неэффективной институциональной среде. При использовании методологии Нэша

10. В стандартном примере поведенческих экономистов у потребителя есть выбор между комплексным обедом и заказом по меню. При этом умалчивается, на основе чего формируется комплексный обед (нормативный стандарт), к которому подталкивается потребитель. Пусть в мягкой форме, но и здесь индивидууму навязываются определенные предпочтения.

все виды патернализма легко вписываются в инструменты модернизации институциональной среды. Вместе с тем и здесь остается вопрос определения нормативного стандарта — генерирования знания «как должно быть», которое, собственно, и определяет характер и конкретные направления институциональной модернизации, подталкивающей индивидуумов к выбору «правильной» стратегии.

Остановлюсь теперь на исходных предпосылках теории опекаемых благ, претендующей на определенное обобщение концепции рыночных провалов, теории общественных товаров и мериторных благ, включая либертарианский и асимметричный патернализм и даже отдельные аспекты некооперативной теории игр — теоретических построений, связанных с патерналистскими действиями государства (*Рубинштейн (2011)*). Повторю в связи с этим главную дефиницию: опекаемые блага — это такие товары и услуги, в отношении которых государство имеет нормативный интерес¹¹. Здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с указанными концепциями.

Замечу также, что, кроме общего, в этих теоретических построениях есть и особенное. Сохраняя в основании теории опекаемых благ принцип методологического субъективизма и рассматривая поведение людей как данность, я исхожу из того, что они действуют субъективно рационально, в том числе и в ситуациях, описанных Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения не обязательно прибегать к достаточно искусственной гипотезе двоемыслия.

Особенность теории опекаемых благ заключается не в отрицании феномена двойственности предпочтений, а в ином понимании его природы. В моем представлении, подобная двойственность обусловлена существованием двух источников оценки, каждый из которых имеет свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Ситуация, описанная

11. В теории опекаемых благ, вслед за мериториюкой, рассматриваются и такие товары (к примеру, наркотики или алкоголь), индивидуальный спрос на которые ограничивается государством. Замечу также, что нормативные установки государства, как уже отмечалось, далеко не всегда направлены в сторону общественного благополучия. Примеров тому в истории слишком много. Подчеркну другое. В этом вопросе теория опекаемых благ (*Рубинштейн (2013, с. 45–46)*) стоит фактически на одинаковых позициях с австрийской школой — «Зло, причиняемое плохой идеологией, разумеется, гораздо губительнее как для индивида, так и для общества в целом, чем наркотики» (*Мизес (2005, с. 687)*).

в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о второй своей мысли сами индивидуумы часто не знают, но ведают о ней третьи лица, которые ради их счастья стимулируют именно эту мысль, страдает принципиальным пороком. Как гласит один из принципов римского частного права, желание не может быть признано несправедливым — «*volenti non fit iniuria*».

Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка феномена двойственности предпочтений. В основании данной теории лежит принцип методологического субъективизма, в соответствии с которым поведение индивидуума следует трактовать «с субъективной точки зрения как то, к чему стремится действующий человек, потому что в его глазах это желательно» (Мизес (2005, с. 24)). Одновременно с этим теория опекаемых благ допускает существование внешнего источника оценки, автономного носителя нормативного стандарта.

Завершая обсуждение теоретических аспектов патернализма, можно, перефразируя известную формулировку, сказать, что он возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку поведение людей признается нерациональным или неэффективной оказывается институциональная среда, в которой они действуют. При этом остается вопрос — что представляет собой внешний источник оценки, устанавливающий эту нерациональность или неэффективность, и как институционально обеспечивается формирование системы предпочтений «патера», выступающего от имени общества?

1.2. Релятивизм vs индивидуализм

Экономическая теория рассматривает, как известно, две основные версии общественного интереса. В одном случае речь идет о рыночной координации поведения индивидуумов, в процессе которой формируется их совокупный интерес, в другом — допускается существование автономного интереса социума, несводимого к предпочтениям индивидуумов (Гринберг, Рубинштейн (1998)). В теории опекаемых благ присутствуют обе ветви генерирования общественного интереса — рыночная и политическая. В рамках последней возникают нормативные установки, определяющие природу и содержание патернализма (Рубинштейн (2014, с. 497–501)).

Наряду с тем, что этот подход был встречен участниками журнальной дискуссии с известным пониманием (например, Курбатова, Левин (2013, с. 81–83), Мельник (2015, с. 19–20), Якобсон (2016, с. 16)), мне нередко приходилось слышать упрёки явные и мнимые. Выделю два из них, заслуживающих специального комментария. Во-первых, критике подвергается постулирование несводимого интереса социальной общности. Это правда, но только ее часть. Речь идет о замене одного из постулатов неоклассической теории – методологического индивидуализма, более общей исходной посылкой. В этом смысле методологический индивидуализм и замещающий его принцип методологического релятивизма имеют одинаковую аксиоматическую природу.

И хотя мой партнер по дискуссиям в эпистолярном жанре А. Либман обращает внимание на неравнозначность указанных постулатов, полагая, что «проще допустить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов, чем строить более сложную теорию» (Либман (2013, с. 28)), полностью согласиться с ним не могу. Конечно, «проще предположить, что все сводится к действиям индивидов», но дело в том, что это универсальное предположение не позволяет объяснить целый класс явлений. В согласии с данной предпосылкой, в частности, невозможно определить нормативный стандарт в теориях общественных и мериторных благ, в концепции нового патернализма.

О втором упрёке упоминает Л. Якобсон: «Оппоненты А.Я. Рубинштейна справедливо отмечают, что он не доказал несостоятельности методологического индивидуализма, с критики которого начинается его статья (например, Либман (2013), Тамбовцев (2013))». При этом буквально следующая же его фраза: «Но, если присмотреться к ее логике, оказывается, что принцип комплементарности полезностей, который выдвигает автор, по сути, предложен не в качестве единственно пригодного для объяснения реалий, а в качестве наиболее подходящего, чтобы легитимировать преимущественное влияние «других людей», «мериторов» на принятие политических решений» (Якобсон (2016, с. 2)).

Это тоже правда, но и в данном случае не вся. Использование метода релятивизма вовсе не направлено на доказательство «несостоятельности методологического индивидуализма». Потому и

упрек в недоказанности нельзя считать справедливым просто в силу отсутствия такой задачи. Критика моя относится лишь к его абсолютизации, на что, в частности, обращает внимание и Дж. Ходжсон, отмечая, что многие исследователи рассматривают данный метод как «якобы универсальный принцип для социальных наук» (Hodgson (2007, p. 214)). И дело не в легитимации преимущественного влияния «других людей», а в описании реальных процессов принятия политических решений. В этом смысле принцип релятивизма предоставляет возможность наряду с рыночной ветвью формирования общественных интересов, где базой служит методологический индивидуализм, рассматривать и политическую ветвь, в рамках которой по иным законам генерируются нормативные установки «патера».

В прошедшей дискуссии, организованной журналом «Общественные науки и современность» и посвященной социальному либерализму, довольно большое внимание было уделено методологическим аспектам доктрины индивидуализма. Поэтому и в настоящей работе с учетом состоявшегося обсуждения и предыдущих разработок автора особый акцент сделан на самой категории методологического индивидуализма, на рассмотрении его интерпретации различными исследователями.

В связи с этим я должен согласиться с общим утверждением В. Автономова, который подчеркивает, «что существенная часть дискуссии вытекает из смешивания различных значений этого понятия» (Автономов (2014, с. 54)). Примерно о том же пишет Ходжсон: «Пропаганда «методологического индивидуализма» широко распространена, особенно среди экономистов» (Hodgson (2007, p. 211)). И далее: «... методологический индивидуализм не имеет ни одного общепринятого определения. Кроме того, обычно используется в способах, которые отличаются от значения, придаваемое ему Шумпетером, который придумал этот термин» (Hodgson (2007, p. 222)).

Замечу, что наделение различными смыслами данного методологического принципа и, наверное, прав Ходжсон — отсутствие достаточно строгих дефиниций породили широкое семейство «методологических измов», в которых так или иначе используется указанное понятие. Это, к примеру, «институциональный индивидуализм» (Agassi (1960), Toboso (2001)), «прагматический методо-

логический индивидуализм» (*Coleman (1991)*), «методологический структурализм» (*Hodgson (2007)*), «методологический институционализм» (*Hodgson (2007)*, *Кирдина (2013b)*)¹². В этом же ряду и понятия, впервые введенные в научный оборот Шумпетером еще в начале XX столетия, — «политический индивидуализм» и «социологический индивидуализм» (*Шумпетер (2001, с. 1172)*)¹³.

Примерно на ту же ситуацию обращает внимание Ларс Уден, указывая на наличие разных по содержанию версий методологического индивидуализма, а также тот факт, что некоторые из них сочетают в себе и элементы холизма. При этом, по его мнению, «главный водораздел проходит между сильными версиями методологического индивидуализма, которые предполагают, что все социальные явления должны быть объяснены только в терминах индивидов и их взаимодействия, и слабыми версиями методологического индивидуализма, которые в объяснениях социальных феноменов отводят важную роль институтам и/или социальной структуре» (*Udehn (2002, p. 479)*). Не претендуя на строгую классификацию различных версий методологического индивидуализма, выделяю несколько признаков, по которым можно отличать их содержательно и объяснить введение указанных выше вариативных категорий.

-
12. Отмеченная Ходжсоном тенденция вкладывать разный смысл в одно и то же понятие проявилась и в отношении категории «методологический институционализм». Кирдина, например, так характеризует его: «В настоящее время «методологический институционализм» представляется нам достаточно адекватной оппозицией принципу методологического индивидуализма и по смыслу, и по названию» (*Кирдина (2013a, с. 37)*). Ходжсон же, использовавший это понятие, никак не имел в виду оппозицию методологическому индивидуализму. Скорее наоборот, он отождествлял «методологический институционализм», «методологический структурализм» с «методологическим индивидуализмом» (*Hodgson (2007, p. 219–220)*). Впоследствии, правда, Кирдина изменила свою трактовку «методологического институционализма». Придав ему, по сути, релятивистское содержание, она обнаружила в данном принципе потенциал социального анализа на мезоуровне (*Кирдина (2015, с. 8)*).
13. Именно данную разновидность «измов», по-видимому, исповедует В. Тамбовцев, не ведающий в том сомнений и считающий иные взгляды искажением базового методологического принципа (*Тамбовцев (2008, с. 132; 2013, с. 45)*). Такую же, крайнюю, позицию занимает Е. Балацкий — «хотелось бы присоединиться к мнению В. Тамбовцева о том, что методология индивидуализма, а соответственно, и либертарианства, многими исследователями намеренно искажается» (*Балацкий (2014, с. 19, сн. 1)*). Замечу, что, допуская это не слишком корректное выражение — «намеренно искажается», сам Балацкий, осуждающий «обличение явных и мнимых пороков либерализма, ... в форме оскорблений и обзываний» (*Балацкий (2014, с. 19)*), при рассмотрении альтернативных взглядов изменяет указанным правилам ведения научной дискуссии.

Во-первых, речь идет о веберовской «элементарной частице» и его «понимающей социологии», которая рассматривает отдельного индивидуума и его действия как первичную единицу: «Действие в смысле субъективно понятной ориентации поведения существует только как поведение одного или нескольких отдельных человеческих существ» (*Weber (1968, §9, p. 13)*). Если остановиться только на этом признаке, то мы получим совокупность самых узких интерпретаций методологического индивидуализма, которыми Вебер и многие его последователи не ограничивались.

В качестве второго признака, раздвигающего границы «сильной версии» методологического индивидуализма, служит включение в анализ институтов. «Этот подход позволяет исследователю дать не холистические и не редукционистские объяснения, в которых формальные и неформальные организационные аспекты, связанные с человеческими взаимодействиями, могут быть использованы в качестве объясняющих переменных» (*Toboso (2001, p. 766)*). Хочу обратить внимание также на следующий фрагмент статьи известного специалиста по веберовской программе исследований: «...методологический индивидуализм означает прежде всего необходимость проведения анализа макросоциальных структур и процессов с точки зрения их обоснования на микроуровне» (*Шлюхтер (2004, с. 38)*).

Итак, анализ макросоциальных структур и процессов также должен входить в «орбиту» методологического индивидуализма. Рассмотрение социальных структур, собственно, и является тем третьим признаком, который обуславливает отличие разных версий данного методологического принципа. При этом редукция, на которую опираются сторонники узкой версии, и обоснование макросоциальных структур на микроуровне оказываются, как известно, не всегда возможными, а с позиций Ф. Тобосо – и не всегда нужными. По мнению же Мизеса, «Методологический индивидуализм вовсе не оспаривает значимость коллективных целостностей, считая одной из основных своих задач описание и анализ их становления и исчезновения, изменяющейся структуры и функционирования» (*Мизес (2005, с. 43)*)¹⁴.

14. Цитирую здесь В. Автономова: «В современной экономической теории под индивидом понимается любой носитель целевой функции. Им может быть как отдельный человек, так и группа людей и даже отдельная субличность ...» (*Автономов (2014, с. 55)*).

Есть и четвертый признак, в соответствии с которым в анализ включаются внутрииндивидуальные, межиндивидуальные и надындивидуальные факторы, формирующие поведение отдельных индивидуумов (*Автономов (2014, с. 54)*). В их числе факторы, отражающие интересы коллективных целостностей, которые в определенном смысле корреспондируют с холистическим подходом¹⁵. Как и в первых трех случаях далеко не все исследователи готовы рассматривать четвертый признак; «проблема здесь, очевидно, заключается в том, можно ли считать, что общество всегда больше суммы своих членов или же его поведение может быть без остатка сведено к поведению последних» (*Автономов (2014, с. 54)*)¹⁶.

По-видимому, существуют и другие основания, по которым можно попытаться разделить множество не очень строгих суждений о методологическом индивидуализме. Их авторы в каждом конкретном случае адаптировали данный методологический принцип к задачам соответствующих теоретических конструкций. В этом смысле маржинализм и общая теория равновесия демонстрируют яркий пример его приспособления к «собственным нуждам», с которым, однако, не вполне соглашаются институциональная теория, мериторика и поведенческая экономика, включая либертарианский и асимметричный патернализм, изучающие поведение индивидуумов в более широком социальном контексте.

-
15. Согласно одному из «отцов» методологического коллективизма Эмилию Дюркгейму, «общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» (*Дюркгейм (1995, с. 119)*). При этом в своей крайней форме, как известно, холизм предполагает подчинение интересов отдельных индивидуумов интересам общества как такового. Однако, такое подчинение не является обязательным требованием рассматриваемого четвертого подхода к объяснению поведения отдельных индивидуумов. Поэтому не могу согласиться с замечанием Автономова, что выражающему интересам общества «политически агрегированному индивиду ... видимо, должен быть придан больший удельный вес» (*Автономов (2014, с.55)*). Важным отличием КЭС и теории опекаемых благ от старого холизма, подчеркну это особо, является то, что дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает никакой их иерархии (*Гринберг, Рубинштейн (2013, с. 425), Рубинштейн (2014, с. 497–500)*).
16. Допуская существование эмерджентных свойств общества и признавая тем самым, что оно «больше суммы своих членов», Тамбовцев, вместе с тем считает, что «свойство «иметь потребности» ... требует эмпирического доказательства (или подтверждения)» (*Тамбовцев (2013, с. 46)*). Мне ближе позиция Автономова, и с точки зрения теории опекаемых благ таких подтверждений в реальной жизни сколь угодно много. К ним относятся любые нормативные установки «патера», декларируемые от имени всего общества в качестве его эмерджентного свойства.

Соглашусь еще с одним утверждением Автономова: «Прилагательное «методологический» не может удержать от размышлений о соотношении общественных и личных интересов, которые имеют долгую историю со времен пресловутого «Левиафана» Т. Гоббса. ... Поэтому для начала хотелось бы вернуться к его первоисточнику – работам Й. Шумпетера» (Автономов (2014, с. 53)). Наверное, для того, чтобы разобраться в массиве родственных, но отличающихся друг от друга категорий, нужно понять, что же все-таки имел в виду Шумпетер, на которого так часто ссылаются экономисты, и в какой мере последующие исследователи вкладывают в этот принцип иное содержание, приспособлявая его к своим нуждам.

Йозеф Шумпетер ввел три понятийных категории – «политический», «социологический» и «методологический индивидуализм». «Под «политическим индивидуализмом» мы подразумеваем подход с позиций *laissez-fair* к экономической политике» (Шумпетер (2001, с. 1171)). В этом контексте рекомендации могут базироваться исключительно на рыночных решениях, в основе которых лежат предпочтения индивидуумов. И хотя, как отмечает Шумпетер, большинство теоретиков не придерживалось ничем не ограниченного *laissez-fair*, «...при обсуждении практических приложений теории всякий раз шли на поводу у дурной привычки давать волю своим политическим предпочтениям» (Шумпетер (2001, с. 1171)). Надо сказать, что «дурные привычки» привнесения политических предпочтений продолжают влиять на взгляды ряда теоретиков или теоретизирующих экономистов.

«Под «социологическим индивидуализмом» мы понимаем широко поддерживающуюся в XVII и XVIII вв. точку зрения, согласно которой суверенный индивид представляет собой базовую единицу исследования в общественных науках. Все социальные феномены сводятся к решениям и действиям индивидов, которые не следует далее анализировать с привлечением надындивидуальных факторов». И далее – «в той мере, в какой эта точка зрения представляет собой теорию социального процесса, она, конечно, неприемлема» (Шумпетер (2001, с. 1172)). Цитирую вновь Автономова: «...под методологическим индивидуализмом часто понимается принципиальное, обязательное объяснение социальных феноменов через действия индивидов без привлечения каких-либо надындивидуаль-

ных факторов или субъектов. Это уже, если пользоваться терминами Шумпетера, не методологический, а «социологический» индивидуализм, — тот самый, который, по его мнению, неприемлем в качестве теории социального процесса» (*Автономов (2014, с. 54)*).

Теперь непосредственно о «методологическом индивидуализме» в понимании автора этого понятия. Определяя его, Шумпетер обозначает довольно узкую область его применения. Он подчеркивает, что для специальных целей конкретных исследований можно начинать с анализа поведения индивида без обращения к обуславливающим его факторам. Так, «поведение домохозяйки на рынке можно анализировать, не углубляясь в изучение сформировавших его факторов. Попытка такого анализа может быть продиктована соображениями разделения труда между различными общественными науками и необязательно подразумевает некую теорию взаимодействия «индивида» и «общества». В этом случае мы говорим о «методологическом индивидуализме» (*Шумпетер (2001, с. 1172)*).

Выделю особо ту часть цитаты, где Шумпетер объясняет возможность такого, довольно узкого, подхода соображениями разделения труда между общественными науками. Понятно, что междисциплинарный вектор развития современной науки данное объяснение явно обесценивает и придает «методологическому индивидуализму» краску ограниченности. В подтверждение этой ограниченности приведу вывод Автономова: «Таким образом, под методологическим индивидуализмом Шумпетер понимал сокращенный формат конкретного экономического (а именно, микроэкономического) исследования, когда можно для краткости и практичности абстрагироваться от факторов, сформировавших поведение индивидов ... Это метод «чистой экономической теории», которую Шумпетер считает лишь одной из составляющих экономической науки» (*Автономов (2014, с. 53–54)*).

Итак, возвращение к истокам и непосредственно к Шумпетеру не сделало ситуацию более ясной. Те исследователи, которые, проповедуя, как они думали, методологический индивидуализм, а в действительности развивали философию социологического (зачастую и политического) индивидуализма, неприемлемого, по Шумпетеру, для изучения социального процесса, оказались в плену ограниченных трактовок даже «чистой экономики». Именно этим

можно объяснить, по всей видимости, поиски исследователями «своих трактовок» базовых предпосылок и появление рассмотренных выше родственных «методологических измов», имеющих зачатую близкие названия, но разные смыслы. В целом же повторю вердикт Автономова — «ни методологический индивидуализм в узком смысле, ни методологический холизм не могут быть эксклюзивными основополагающими принципами социального исследования» (Автономов (2014, с. 56)).

Исходя из такого же понимания, в теории опекаемых благ использован принцип методологического релятивизма (Леуцак (2002, с. 38–42)). В рамках данной теории он конкретизирован как принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие интереса социума как такового наряду с частными интересами его членов. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения их общности, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях формирования общественного интереса (Рубинштейн (2015, с. 25)).

Прошедшая дискуссия подтвердила, что предложенный подход разделяют далеко не все экономисты: у одних исследователей он вызывает принципиальные возражения, у других — иную интерпретацию. Так, по мнению того же Автономова, в теории опекаемых благ «к обычным индивидам как бы добавляется еще один политически агрегированный индивид. Этот способ не выходит за рамки методологического индивидуализма в шумпетеровском понимании, если только не раскрывать факторы формирования функции полезности «агрегированного индивида» (Автономов (2014, с. 55)). Данный вывод требует комментария.

Во-первых, среди множества родственников «измов» понятие «методологического релятивизма» показалось мне наиболее адекватным для подхода, развиваемого теорией опекаемых благ. Но дело не в обозначении данного принципа. Я готов применить иное его название, допускающее использование *надьиндивидуальных* факторов или субъектов, для объяснения поведения индивидуумов

(Шумпетер (2001, с. 1172)). В случае теории опекаемых благ — это наличие нормативного стандарта, т. е. существование наряду с интересами отдельных индивидуумов нормативных установок, формируемых политической системой.

Во-вторых, возможность введения в анализ «политически агрегированного индивида» отвечает ключевому положению теории опекаемых благ, связанному с тем, что наряду с интересами «обычных индивидов» существует несводимый к ним интерес социальной целостности, носителем которого выступает «особый индивидуум». И это утверждение, характеризующее политический процесс формирования нормативного интереса социума, несовместимо, как мне кажется (выскажусь аккуратно), с онтологическим индивидуализмом, отвергающим такую особость. На следующей же стадии, когда рассматриваются экономические отношения, в которых участвуют как «обычные индивиды» с их интересами, так и «политически агрегированный индивид», обладающий собственными предпочтениями, методологический индивидуализм занимает свое привычное место¹⁷.

В-третьих, имеется в виду не просто *еще один*, «политически агрегированный индивид». Дело в том, что процесс политического агрегирования придает ему очевидную специфику, и, кроме того, в теории опекаемых благ как раз и предпринята попытка раскрытия факторов формирования функции полезности агрегированного индивида. К этой теме, затрагивающей институциональные и политологические аспекты формирования нормативных интересов «патера», я вернусь позже.

Здесь же хочу вновь остановиться на рассмотрении базовых предпосылок теории благосостояния, теории общественных товаров и мериторных благ, концепции нового патернализма. Если в экономической теории благосостояния методологический индивидуализм в комбинации с методологическим субъективизмом является вполне естественной предпосылкой для нормативного стандарта, соответствующего рыночному спросу, то для теории общественных и мериторных благ, как и для концепции либертарианского или асимме-

17. Более подробно я уже комментировал это положение после аналогичного по содержанию выступления С.Г. Кирдиной на одном из заседаний семинара «Теоретическая экономика» (Рубинштейн (2010а, с.154–156)).

тричного патернализма, использующих модель поведения индивидуумов с множественностью «Я», ситуация выглядит совершенно иной.

Постулируемые в этих теориях «истинные предпочтения» представляют собой не что иное, как нормативный стандарт, формируемый «надындивидуальными факторами» или внешним источником оценки. Иначе говоря, такие «нормативно правильные» предпочтения, соответствующие одному из «Я», со всей очевидностью конфликтуют с методологическим индивидуализмом, который исходно декларируется этими теоретическими конструкциями¹⁸. Лишь отказ от радикального индивидуализма позволяет в этих теориях определять нормативный стандарт, исходя из ценностных суждений о том, «как должно быть». Можно сделать и общий вывод — объявляя приверженность методологическому индивидуализму и одновременно нарушая данный канон, представители указанных теорий используют «по умолчанию» присущий им релятивизм.

18. Подтверждая этот вывод, приведу замечание Автономова: «Таким образом, методологический индивидуализм в узком смысле должен держать фронт сразу в двух направлениях: против попыток навязать индивиду надындивидуальные предпочтения и попыток расчленения личности на множественные субличности с разными целевыми функциями» (Автономов (2014, с. 55)).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ

В отличие от предыдущих разделов данная часть работы затрагивает некоторые аспекты социального либерализма, которые широко в журнальной полемике не обсуждались, но прозвучали в виде отдельных вопросов в ряде статей¹⁹ и были часто предметом дискуссии на семинаре «Теоретическая экономика». Представленные в этом исследовании ответы на них обусловлены определенным продвижением в теории опекаемых благ, толчком к которому стали размышления автора над критическими замечаниями в отношении прежних докладов и содержащимися в публикациях журнала «Общественные науки и современность» на протяжении всей четырехлетней дискуссии.

Выполненный анализ подтвердил широко распространенный вывод о том, что патернализм в любой форме государственной активности чреват укреплением государства, которое, как правило, дрейфует в сторону «Левиафана». И в этом смысле действия государства могут наносить ущерб и приводить к потерям благосостояния отдельных индивидуумов и их совокупности в целом, что ставит вопрос о либерализации процессов принятия политических и экономических решений, о перераспределении властных полномочий в пользу институтов гражданского общества. В данной работе речь

19. Косвенно указанные проблемы были затронуты в политологической статье Урнова (*Урнов (2013)*) и в работе Полтеровича, посвященной общей философии сотрудничества (*Полтерович (2015)*), а также в статье Якобсона (*Якобсон (2016)*).

идет об институтах консоциативной демократии, не допускающих или ослабляющих монопольную власть правящего большинства. Важным шагом на этом пути стало привлечение политологических теорий.

Рассматривая нормативные установки общества как такового, необходимо ответить на главный вопрос. Если данный интерес не может быть представлен в виде агрегата предпочтений индивидуумов в рыночной ветви, то каковы механизмы его формирования в политической среде? Пытаясь сделать это, обсуждая природу и механизмы формирования интересов социальной целостности, я исхожу из того же подхода, о котором писал В. Автономов – необходимости «раскрытия факторов формирования функции полезности «политически агрегированного индивида».

Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу в прежних моих работах породила известное недопонимание КЭС, а затем и теории опекаемых благ со стороны ряда экономистов, приписывающих этим теориям чуть ли ни метафизический характер. Дело в том, что если мы рассматриваем политическую ветвь формирования нормативных интересов социума, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании общественного интереса, выявляемого рыночным механизмом, то это вовсе не означает, что нормативные предпочтения общества определяет какой-то мистический орган. Конечно нет. Как и в случае с рыночной ветвью, так и при формировании интереса общества «*sui generis*» участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и существующими институтами.

При этом, уподобляя государство «политически агрегированному индивиду» и рыночному субъекту, реализующему нормативный интерес общества, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект «...наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения» (Boudon (1979)). Таким образом, очевидным требованием к «политически агрегированному индивиду» является наличие некоей институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества.

2.1. Коллективные решения

Начиная с Аристотеля социальные и политические философы искали решение этой проблемы в институтах представительной демократии — по Аристотелю, в «республике», где осуществляется правление с делегированием прав на принятие решений особым людям (*Аристотель (1983)*). Это те, кого его учитель — Платон, называл «философами» (*Платон (1971, т. 3, с. 275)*), и уже в другую эпоху Масгрейв относил к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969, s. 16)*), а Шмидт — к «политикам» (*Schmidt (1988, s. 384)*). Это те индивидуумы, кто представляет «как должно быть» и способны артикулировать свои представления от имени социума. Характеризуя таких людей, Аристотель подчеркивал, что участие в политической жизни — привилегия немногих, равных между собой, но неравных другим жителям полиса, свободных граждан. Именно эти люди, неравные другим индивидуумам (будем называть их политиками), являясь субъектами коллективных решений, формируют нормативные установки общества, обращенные ко всем гражданам.

Причем, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своей собственной выгоды, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь идет о «других событиях». Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде встает иная альтернатива: надо ли поддерживать приобщение населения к театральному искусству или важнее потребление фруктов. Иначе говоря, в политическом процессе формирования общественных интересов, в отличие от рыночной ветви, рассматриваются «другие события».

И наконец, надо обратить внимание на «другое поведение», потому что в отличие от индивидуумов предпочтения неравных им «политиков»²⁰, действующих от имени общества, обусловлены в основном не личными, а общественными средствами. На возмож-

20. Прочитую здесь Л. Якобсона, который подчеркивал «несходство социальной политики, которую узкий круг обладателей имущественных и властных ресурсов осуществляет в отношении большинства, лишенного этих ресурсов, с той, которая строится на основе репрезентации интересов и предпочтений большинства, обладающего ресурсами» (*Якобсон (2016, с. 5)*),

ность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным средствам указывают многие исследования. Этот генетический порок общественных средств зачастую искажает мотивацию поведения политиков²¹. Таким образом, вполне согласуясь с фактическим положением дел и не вводя дополнительных допущений, можно считать, что нормативный интерес общества — «*suū generis*», так или иначе, определяют политики.

Используя данный вывод, попытаюсь ответить на вопрос о механизмах формирования данного интереса — о выработке коллективных решений. Замечу при этом, что подобные решения, генерируемые политической ветвью, в отличие от рыночных механизмов саморегулирования, целесообразно рассматривать как результат дискурса, детерминированного сложившимися институтами и интересами властных элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных потребностей общества (Тихонова (2013, с. 41–43), Урнов (2014, с. 26)). Справедливо также и замечание о том, что «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» (Радыгин, Энтов (2012, с. 26)). И если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного» и «благотворящего» государства, активность которого направлена исключительно на реализацию общественных интересов, то во второй половине XX столетия все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит (Stigler (1971)).

Данный вывод корреспондирует с другим положением теории опекаемых благ, связанным с довольно распространенной точкой зрения, согласно которой истинный интерес общества всегда отличается от общественного выбора, реализуемого посредством парламентской процедуры (Лаффон (2007, с. 23)). Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь те интересы, которые признает сама политическая система, т. е. совокупность действующих

21. Многие авторы отмечают, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты, стремящиеся сохранить и даже увеличить ее.

институтов и индивидуумов, включая политические и экономические элиты, а также парламент с его полномочиями. Именно эти интересы становятся нормативными интересами общества в результате соответствующих коллективных решений.

Существует обширная литература, в которой рассмотрены различные аспекты принятия коллективных решений, включая теорию общественного выбора и новую политическую экономию. Их общей чертой является взгляд на парламент как на совокупность индивидуумов-политиков, участвующих в выработке решений путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства). При этом структура парламента и наличие в нем различных фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывает воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, и практически не влияет на его результаты. Иначе говоря, парламент чаще всего рассматривается в качестве однородной группы политиков, определяющей нормативные интересы общества, соответствующие большинству голосов депутатов.

В связи с этим надо обратить внимание на фундаментальное противоречие, имманентное современному политическому процессу. С одной стороны, всякая демократическая система предполагает главенство большинства, с другой — подчинение большинству нередко трансформируется в «уклонение за большинством»²². Соглашаясь с предпочтением «многих» и уклоняясь за ними, индивидуум рискует пройти мимо правильного выбора. Рискуют и все общество: подталкиваемое демократическим большинством оно может оказаться вне зоны эффективных решений. Примеров тому достаточно. Часто и даже слишком часто наша история демонстрирует абсолютное несовпадение «многих» с «правыми».

22. «Нетрудно устоять перед уговорами и влиянием одного злодея, но когда множество несетя под уклон с неудержимой стремительностью, то не оказаться в потоке есть признак души благородной и разума, воспитанного мужеством» (*Philo. De spec. leg. IV, 45–47 — цит. по: (Ковельман (1996, с. 65))*). Эти современного звучания слова принадлежат Филону Александрийскому — философу I в. н.э., соединившему в своих ученых трудах еврейскую традицию с греческой культурой. И хотя Аркадий Ковельман рассматривает их лишь как толкование («*мидраш*») к библейской заповеди — «Не следуй за большинством на зло и не решай тяжбы, уклоняясь за большинством, чтобы извратить суд» (*Исх. 23,2 — цит. по: (Ковельман (1996, с. 65))*), в данном случае важен лишь смысл сказанного, облеченный Филоном в изящную словесную форму.

Приведу здесь и слова Мизеса: «Сегодня даже многие из тех, кто поддерживает демократические институты, игнорируют эти идеи. ... Аргументы, которые они выдвигают в пользу свободы и демократии, заражены коллективистскими ошибками; их доктрины являются скорее искажением, нежели поддержкой подлинного либерализма. По их мнению, большинство всегда право просто потому, что способно сокрушить любую оппозицию; власть большинства является диктаторской властью самой многочисленной партии, а правящее большинство не должно само ограничивать себя, осуществляя свою власть и проводя в жизнь свою политику. ...Такой псевдолиберализм является полной противоположностью либеральной доктрины» (*Мизес (2005, с. 144)*). С этим трудно не согласиться, и проблема институциональной либерализации является ключевой для теории опекаемых благ, имеющей дело с патерналистскими действиями государства.

2.2. Против «тирании большинства»

Ограничение правящего большинства и защита оппозиционного меньшинства – это исходная установка данной теории. Речь идет о создании институциональных условий для индивидуума сохранять свой голос, не «уклоняясь за большинством»²³. К сказанному добавлю, что вне зависимости от механизмов формирования общественного интереса – будь то персональное решение лидера группы или голосование всех членов группы, или компромиссное решение нескольких групп (коалиции), он всегда определяется в форме нормативных установок. При этом нормативные интересы в меру развитости общества и его политической системы впитывают в себя предпочтения, отражающие ценности и этические нормы, иные социальные и экономические установки, присутствующие в программах политических партий и общественных движений, выступающих от имени различных социальных групп.

23. По мнению Н. Тихоновой, опирающейся на результаты исследования Института социологии РАН «О чем мечтают жители России» (2012), норму “каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения” в настоящее время разделяют свыше трех четвертей представителей любой возрастной, доходной, образовательной, профессиональной или иной социальной группы» (*Тихонова (2013, с. 38)*). К сожалению, в реальности российские люди согласились, похоже, на обратную пропорцию.

Иначе говоря, в качестве нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, рассматриваются те ценностные суждения, которые Самуэльсон предписывал своему «эксперту по этике», а представители мериторики и нового патернализма назвали «истинными предпочтениями» (*Musgrave (1957, 1994), Brennan, Lomasky (1983), Tietzel, Muller (1998), Sunstein, Thaler (2003), Thaler, Sunstein (2008)*). Но оговорюсь снова, мера адекватности этих интересов обусловлена степенью развитости самого общества и его политической системы, а главное, слишком часто это сопряжено с рисками принятия субъективных и далеко не всегда позитивных решений (*Мельник (2015, с. 16)*).

В этом смысле государственная активность – в простейшем случае направленная на устранение изъянов рынка, воздействует и на политическую ситуацию. Причем это влияние, как показали Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, может оказаться и деструктивным, способствуя формированию неэффективной экономики (*Асемоглу, Робинсон (2013, с. 17–19)*). Верным является и общее положение о несостоятельности «прекраснодушного» и широко распространенного тезиса, что «хорошая экономика и есть хорошая политика» (*Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011)*). Замечу также, что парламентская партия (коалиции), обладающая необходимым большинством голосов, способна провести через голосование практически любые решения, отвечающие интересам самой партии²⁴. И дело не только в том, насколько представительен парламент и как организована его работа. Важной составляющей является процедура принятия решений и те институты, которые лежат в ее основе (*Мельник (2015, с. 18)*).

В последнюю четверть века все большее место занимают альтернативные концепции. В их ряду исследования Жан-Жака Лаффона, который подчеркивает, что, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, «интервенция» теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (*Лаффон (2007 (с. 23))*). Анализируя эту тенденцию, Лаффон рассматривает «аутентичного

24. Данный феномен особенно характерен для стран с невысоким уровнем развития гражданского общества, демократических институтов и политической культуры (*Полтерович (2002), Полтерович, Попов (2007), Полтерович, Попов, Тонис (2008), Хиллман (2009)*).

советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» (*Лаффон (2007, с. 22)*).

В посткоммунистической России и особенно в 2000-е гг. этот процесс проявляется особенно зримо: «...между обществом и элитами сохранялся значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов — общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (*Полищук (2013, с. 41)*). Вместе с тем, было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные и экономические установки, целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но социум всегда сталкивается с политическим произволом в определении нормативных интересов, искажающим реальные потребности и текущие приоритеты общества.

И если в теории общественных товаров и мериторных благ, как и в концепции либертарианского или асимметричного патернализма, проблема формирования установок «патера» не ставится или по умолчанию предполагается их исходная направленность на увеличение благосостояния общества, то в теории опекаемых благ данный вопрос играет первостепенную роль и подвергается анализу сквозь призму коллективных решений парламента. При этом сам парламент рассматривается как совокупность «аутентичных советников» различных политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей.

Такой подход дает основание применить теорему К. Эрроу «О невозможности» к совокупности «аутентичных советников» и сделать вывод о принципиальной невозможности согласования предпочтений парламентских партий, кроме случая с диктатором, когда все голосуют также, как он. При этом реальная политическая практика демократических государств демонстрирует важную закономерность: всякий парламент эволюционирует в сторону появления «коллективного диктатора» в виде партии власти или партийной коалиции, обладающей необходимым большинством голосов для принятия коллективных решений. В этом случае голоса оппозиционных партий фактически не влияют на коллективные решения

и потому с некоторой долей условности могут рассматриваться как разделяющие позицию «диктатора».

Следствием такой трактовки является вывод о неадекватности парламентского голосования, результаты которого (простое, а в некоторых случаях и квалифицированное большинство) могут порождать решения, нерелевантные реальным потребностям и приоритетам общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей. Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Будон и от которых предостерегал Мизес, вызывающих общее недоверие к патернализму и государственной активности у большинства экономистов и политологов. Нет никаких сомнений в том, что доктрина благотворящего государства действительно должна быть отвергнута. Другой вопрос — что с этим делать и как должна развиваться теория и практика?

Существуют две возможности. Во-первых, можно искать иллюзорные пути освобождения от вмешательства государства. На теоретическом уровне это связано со старыми и новыми концепциями анархизма, а также с построением таких моделей, в которых индивидуумы и рыночная координация их действий обеспечивают рост благосостояния каждого в отдельности и общества в целом. Но тогда приходится вводить в эти модели ряд исходных условий, абстрагируясь от их реальности или не заботясь об этом. Понятно, что в рамках подобных моделей ущерба от вмешательства государства не может быть по определению. Этот подход хорошо согласуется с политическим индивидуализмом или радикальным либерализмом, но по естественным причинам отвергается доктриной социального либерализма.

Приблизженный к реальной действительности социальный либерализм допускает вторую возможность. В ее основе лежит признание неизбежности государственной активности и патернализма, несущих в себе как позитивные, так и негативные последствия нормативных установок «патера» практически при любой системе их формирования. При этом акцент на последствиях государственного вмешательства имеет смысл лишь в том случае, если их анализ направлен на поиск механизмов, обеспечивающих устранение или уменьшение негативных эффектов. Бессмысленно просто ругать дождь, надо открыть зонтик или искать укрытие.

В обществе подобные функции могут выполнять институты, позволяющие «не уклоняться за большинством», предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов, хотя бы частично нейтрализующих «произвол» власти и приближающих общественный выбор к реальным общественным потребностям. В теории опекаемых благ это положение либеральной демократии сформулировано как общий принцип справедливой конкуренции в принятии коллективных решений, не допускающий «тирании большинства».

Возможно, прав Полтерович, и здесь имеет смысл говорить не о конкуренции, а о сотрудничестве (*Полтерович (2015)*). По сути, институциональное обеспечение справедливой конкуренции парламентских партий, представляющих различные социальные группы общества с несовпадающими интересами, можно рассматривать как сотрудничество. Говоря о возрастающей роли институтов гражданского общества, эту же позицию разделяет Якобсон (*Якобсон 2016, с. 18*)).

2.3. Институты консоциализма²⁵

Прочитую молодых российских политологов Марка Симона и Екатерину Фурман: «Традиционные теории либеральной демократии базируются на том, что люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия...» (*Симон, Фурман (2015, с. 2)*). Это важное замечание указывает на известное противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией, ибо в принятии коллективных решений участвуют лишь «выборные люди», обладающие «имущественными и властными ресурсами» (*Якобсон (2016, с. 5)*), независимо от того затрагивают или не затрагивают их решения тех, кто не входит в их число.

Учитывая, что современное общество состоит из многих страт с широким спектром социальных групп и негомогенности

25. Консоциализм (лат. *consociatio* – сообщество), институты консоциативной демократии (*consociational democracy*) – «общественной демократии». Иногда под консоциализмом понимают принцип «рассредоточения власти» (*power sharing*).

депутатского корпуса, представляющего их интересы, трудно предположить достижение консенсуса между «аутентичными советниками» в трактовке общественного блага и должной направленности государственной активности. Возможным решением, позволяющим хотя бы ослабить это противоречие, в данном случае является создание институтов, определяющих правила взаимодействия элит и соответствующих политиков на основе согласованного компромисса, исходя из их целей и интересов. Этой точки зрения придерживаются многие современные политологи (*Ferejohn (2000, p. 79), Симон, Фурман (2015, с. 14)*).

Вместе с тем, достигнуть такой компромисс довольно сложно. Принципиальным в этом контексте является замечание Э. Хейвуда: недостижимость сущностного консенсуса не означает, что не может быть процедурного консенсуса — готовности разрешить противоречия путем заключения соглашения в соответствии с определенными конвенциональными нормами (*Heuwood (2002, p. 10)*). Собственно, нахождение процедурного консенсуса — это и есть та задача, которая стоит перед исследователями, работающими в области политических институтов. При этом один из ведущих английских политологов Б. Крик отмечал, что конфликт интересов между участниками политического процесса неискореним и единственным возможным решением становится «рассредоточение власти» (*Crick (2000, p. 30)*).

Это важное замечание отражает общий подход, выработанный политологической мыслью второй половины XX столетия, в соответствии с которым доминантой исследований стали попытки создания институтов, реализующих принципы консоционализма. Особое место здесь принадлежит фундаментальной теории «консоциативной демократии», разработанной американским политологом голландского происхождения Арендом Лейпхартом, в которой он предложил систему политических институтов для многосоставных, полиэтнических и субкультурно разделенных обществ (*Lijphart (1968, 1977, 1999), Лейпхарт (1997)*)²⁶.

«Теория консоционализма Аренда Лейпхарта, — пишет российский политолог Жоомарт Ормонбеков, — является полной и

26. В своей классической книге «Democracy in Plural Societies» (1977), в переводе на русский язык — «Демократия в многосоставных обществах» (1997), Лейпхарт ввел в научный оборот понятие общественной или консоциативной демократии. В более поздних работах категорию «консоциативная демократия» автор дополняет понятием «консенсусная демократия», анализ которой он представил в книге «Patterns of Democracy» (1999). См. также: (*Симон, Фурман (2015, с. 20)*).

самодостаточной концепцией, в рамках которой рассматривается двойной феномен возникновения вертикального сегментирования общества на отдельные группы населения по определенным общим признакам (религия, язык, раса, этнос, идеология) и институционализация переговорного процесса на уровне элит вышеназванных групп» (*Ормонбеков (2007, с. 92)*). К этому добавлю — несмотря на то, что данная теория была создана в основном для решения вопросов мирного урегулирования конфликтов в мультиэтнических обществах, время показало, что она обладает потенциалом расширения за пределы «многосоставных, полиэтнических и субкультурно разделенных обществ» (*Halpern (1986), Нджоку (1999), Бондаренко (2008), Симон, Фурман (2015)*). Отмечу в связи с этим возможности применения теории «консоциативной демократии» к неомогенной структуре парламента, состоящего из представителей различных политических партий, отражающих интересы соответствующих социальных групп, т. е. к процессам формирования нормативных установок «политически агрегированного индивидуума».

Основное внимание здесь надо обратить на институциональные решения, предложенные Лейпхартом в рамках его консоциативной теории и являющиеся, по сути, базой процедурного консенсуса. Речь идет о большой коалиции, включающей лидеров всех значимых партий; принципе пропорциональности политического представительства в назначении чиновников и распределении бюджетных средств; праве взаимного вето, которое позволяет отвергать решения, наносящие ущерб интересам соответствующих социальных групп; автономии сегментов, наиболее характерной для стран с федеративным устройством, предусматривающей определенные права субъектов федерации (*Lijphart (1977, p. 153), Лейпхарт (1997, с. 60)*)²⁷.

В той или иной степени каждый из этих институтов может быть использован при решении проблемы формирования нормативных установок общества. Так, создание большой коалиции с привлечением к управлению страной представителей партий, проигравших выборы, в большинстве случаев позволяет преодолеть

27. См. также: (*Ормонбеков (2007, с. 95–99), Симон, Фурман (2015, с. 10–11)*).

«тиранию большинства». При этом для опекаемых благ особое значение коалиционные решения, учитывающие интересы самых разных групп населения, приобретают при распределении бюджетных средств, когда собственно и устанавливается их объем и структура. Однако, если какая-то партия получает достаточное число голосов (в России пока это так и происходит) и коалиция не возникает, то проблема защиты интересов меньшинства приобретает особую актуальность.

КОНСОЦИАТИВНЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ

Исследование социального либерализма без рассмотрения практических проблем хозяйственной жизни, где активным участником является государство, было бы явно неполным. Поэтому заключительный раздел работы посвящен прикладным аспектам социального либерализма. Хотя данная тема не была в центре прошедшей дискуссии, ее обсуждение выявило определенные расхождения во взглядах некоторых авторов²⁸. И, как отмечал Шумпетер, в обсуждение практических проблем вмешивается часто идеология, и экономисты идут на поводу у этой «дурной привычки» (*Шумпетер (2001, с. 1171)*). Сказанное относится ко всем направлениям государственной активности и прежде всего к социальной политике – неотъемлемой составляющей социального либерализма.

Так, по мнению отдельных авторов, любые попытки объединения социальных доктрин с идеями либерализма искажают либеральные идеи и создают серьезные проблемы в функционировании современных государств (*Яновский, Жаворонков (2013,*

28. В подтверждение этого приведу фрагмент из статьи Марка Урнова: «Что касается либертарианства, равно как и тоталитарных версий коллективизма, то на сегодняшний день они, конечно, существуют, однако в области политики представляют собой не более, чем периферическое обрамление социально-либерального континуума. Единственная область, в которой либертарианство до сих пор чувствует себя более или менее вольготно, – экономическая теория. По-видимому, это связано с устойчивым нежеланием экономистов-неолибералов выйти за пределы конструкций, хороших во всех отношениях, кроме одного – несоответствия реальности (*Урнов (2013, с. 40)*).

с. 61), *Балацкий* (2014, с. 19, сн. 1). Обосновывая эту позицию, Яновский и Жаворонков пишут: «Главными направлениями стабилизации классического либерального капитализма предполагались забота о лечении и просвещении бедных, а также об обеспечении их в старости. Нетрудно заметить, что бедные здесь выступают в качестве второсортных существ, не способных самостоятельно заботиться о своем здоровье..., оценивать благо своих детей ... позаботиться о своих престарелых родителях» (*Яновский, Жаворонков* (2013, с. 62)).

Столь избыточно эмоциональная оценка общественной поддержки образования, здравоохранения и социального обеспечения лишь повторяет далеко не оригинальную критику мериторики прошлого столетия. И уж совсем сомнительным выглядит тезис, что либертарианство непосредственно выражает «волю Творца видеть Человека свободным» (*Яновский, Жаворонков* (2013, с. 69)). Соглашусь здесь с Якобсоном, который пишет: «Апелляция к сакральному исключает конструктивный диалог с оппонентами» (*Якобсон* (2016, с. 15)).

В целом же, применительно к социальной политике «довольно типичны полярные построения: либертарианские, утверждающие неограниченный суверенитет индивида, и так называемые государственнические, тяготеющие к подчинению интересов личности интересам выживания и экспансии общества» (*Якобсон* (2016, с. 14)). В связи с этим повторяю то, что писал раньше — мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология, утверждение неограниченного суверенитета индивидуума и подчинение интересов личности интересам общества. В этом смысле социал-либеральный подход дает возможность избежать крайностей и рассматривать государственную активность как дополнение к рыночному механизму.

После этой краткой преамбулы можно перейти к рассмотрению прикладных аспектов социального либерализма, причем на примере той сферы опекаемых благ, где мало у кого есть возражения против активности государства «ради «позитивных свобод» или «свобод для»» (*Берлин* (2001, с. 51–52)). Речь идет о гуманитарном секторе экономики — культуре, науке и образовании, страдающих известной «болезнью Баумоля» и нуждающихся в финансовой под-

держке общества²⁹. Однако именно в этом секторе, где формируется человеческий капитал, чаще, чем в других отраслях экономики, проявляются негативные черты патернализма, связанные с произволом в выборе нормативных установок государства. Российская практика такими примерами изобилует, и институциональная либерализация по-прежнему является актуальной (*Рубинштейн, Сорочкин и др. (2003, с. 240–243), Макаров, Рубинштейн и др. (2010)*).

При этом государство, пытаясь сократить расходы бюджета, сформировало общую установку на преобразования в гуманитарном секторе экономики. К сожалению, принятые неконсоциативные решения и связанные с ними реформы, проводившиеся, как правило, неумело, с плохо рассчитанными последствиями, лишь усложнили положение производителей опекаемых благ; не обеспечив достойного финансирования, они ограничились их самостоятельность и повысили зависимость от учредителей. Результатом таких трансформаций стали ухудшение образования, развал Российской академии наук и нависший над культурой «дамоклов меч» оптимизации сети ее организаций и сокращения рабочих мест (*Музычук, Рубинштейн (2014)*). Все это заставляет думать о необходимости создания новой институциональной модели, направленной на повышение устойчивости финансового положения производителей опекаемых благ и снижение их зависимости от конъюнктурных решений экономических ведомств.

3.1. Базовые институты

Начну с одного из ключевых институтов консоциативной демократии, который основан на принципе пропорциональности политического представительства. Кроме участия в соответствующих органах исполнительной власти представителей различных политических партий, выражающих интересы соответствующих социальных групп, введение данного института может создать механизмы влияния экспертного сообщества на принятие политических и экономических решений. Речь идет об изменении принципов

29. Подробнее об этом см.: (*Baumol, Bowen (1966), Nordhaus (2008), Рубинштейн (2005, 2012), Rubinshteyn (2013a, b)*).

формирования уже существующих общественных советов при министерствах и ведомствах.

В соответствии с принципом пропорциональности политического представительства в эти советы должны быть включены политики, принадлежащие к оппозиционным партиям и несистемной оппозиции, а также ведущие эксперты по соответствующим направлениям жизнедеятельности общества. Наделение этих общественных советов достаточными правами и освещение в СМИ результатов их работы позволит избежать многих ошибок, которые имели место раньше и продолжают появляться при отсутствии гражданского контроля деятельности Правительства.

Кроме принципа пропорциональности теория консоциализма предлагает и более жесткие принципы, обеспечивающие перевод «коллективных решений» из сферы голосования в предшествующие голосованию переговоры, связанные с поиском компромисса. Речь идет об институционализации права вето в качестве обеспечения прав парламентского меньшинства на участие в процессе принятия решений и для защиты позиций их избирателей. Для опекаемых благ этот институт также представляется весьма существенным, ибо дает возможность заблокировать решения, ведущие к потере благосостояния как отдельных групп граждан, так и всего общества. При наличии такого института в России, наверное, не был бы принят ряд законов, явно недружественных по отношению к образованию, науке, культуре и здравоохранению, последствия исполнения которых продолжают осложнять российскую жизнь.

Консоциативный принцип пропорциональности предполагает также возможность и даже целесообразность распределения бюджетных средств с учетом интересов различных партий, включая и тех, кто не входит в коалиционное большинство и находится в оппозиции. Учитывая специфику бюджетного процесса, не думаю, что в нашей стране данный принцип может быть реализован в полной мере. Однако определенный шаг в этом направлении *следует сделать, введя* процедуру «нулевого чтения», охватывающую не более 90% государственных расходов, но в которой участвуют представители всех парламентских партий. В последующих же чтениях оппозиционным партиям должно быть предоставлено

исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 10%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных в программах соответствующих партий (*Рубинштейн (2014, с. 39)*)³⁰. Введение этого института кроме всего прочего позволит расширить область переговорного процесса в направлении поиска компромиссов и, хотя бы частично, перевести ряд коллективных решений на стадию, предшествующую парламентским голосованиям.

В духе теории «консоциативной демократии» Лейпхарта и в дополнение к базовым институтам «вето» и «нулевого чтения», являющихся основой «процедурного консенсуса», следует обратить внимание на ряд других институтов, в том числе связанных с процедурами распределения бюджетных средств, — бюджетных нормативов, характеризующих минимальные доли расходов бюджета на поддержку соответствующих видов опекаемых благ, и индивидуальных бюджетных назначений, обеспечивающих непосредственное участие граждан в принятии решений, затрагивающих условия их жизнедеятельности.

3.2. Институты общественных финансов

В условиях объективной неспособности большинства производителей опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики обеспечивать самокупаемость бюджетные расходы в этой сфере следует рассматривать в контексте гарантий общественной поддержки в форме государственных обязательств, охватывающих три типа экономических субъектов: работников, участвующих в процессах создания, сохранения, распространения и потребления опекаемых благ; их потребителей — граждан страны; организации науки, культуры и образования.

Гарантии работникам культуры, науки и образования — обязательства государства перед теми, кто участвует в процессах создания, сохранения и распространения опекаемых благ. Речь идет

30. Замечу, что 10% — это примерная цифра. Ее конкретное значение зависит от доли голосов в парламенте оппозиционных партий. При этом указанные 10% могут распределяться между оппозиционными партиями пропорционально их «весу» в парламенте.

о гарантированном уровне оплаты труда, который должен устанавливаться на основе указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации и иных законодательных и нормативных актов, в том числе Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Гарантии потребителям продуктов культуры, науки и образования следует зафиксировать на уровне их ценовой доступности в базовом году. При оценке этих обязательств следует использовать средний уровень цен на платные услуги, сложившийся в базовом году, и необходимые для его сохранения объемы бюджетных субсидий отдельно по каждому виду культурной, научной и образовательной деятельности с учетом их особенностей. Прежде всего, это относится к культуре, продукты которой, являясь по преимуществу мериторными благами, покупают индивидуумы и частично субсидирует государство. Результаты научной деятельности принадлежат к общественным благам, обеспечение производства которых берет на себя государство, компенсируя свои издержки посредством налогов, поступающих в его бюджет. И в данном случае гарантии потребителям трансформируются в обязательства государства, но уже в виде полного *бюджетного финансирования* научной деятельности.

Образовательные услуги также относятся к мериторным благам, но с одной оговоркой. В этой сфере имеет место фактически узаконенное неравенство, обусловленное тем, что в государственных вузах одновременно обучаются «коммерческие» и «бюджетные» студенты³¹. Поэтому гарантии потребителям образовательных услуг должны быть увязаны с устранением необоснованного неравенства, введением общей платности и переходом *«от неравенства в бесплатности к равенству в платности»*. (Рубинштейн (2008а, с. 380–381)). Очевидно, что реализация этого принципа требует обязательного выделения дополнительных бюджетных ресурсов, компенсирующих отсутствие авансовой платы студентов.

31. Процесс этот обозначился еще с начала 90-х гг. Стремясь выжить, государственные вузы увеличили численность коммерческих студентов: их удельный вес в 1993 г. составлял 3,8%, в 1995 г. – 8,6%, в 2001 г. – 40,7% и 2003 г. – 44,0% (*Высшее образование...* (2004, с. 22)).

Данное обязательство, означающее по сути предоставление студентам «личного образовательного кредита», собственно и есть прямое выражение государственных гарантий потребителям образовательных услуг. Ключевым моментом здесь является сам механизм кредитования, который определяется следующей формулой. Кредитование студентов – суть бюджетное финансирование вузов. Смысл такого механизма обеспечения «образовательного кредита» раскрывается в двух сюжетах. Во-первых, государство берет на себя обязательство полного бюджетного финансирования учрежденных им вузов, включая и ту часть, которая приходится на плату студентов за свое образование. Во-вторых, поступившие в вуз студенты берут на себя обязательство погашения «личного образовательного кредита» посредством оплаты образования после его завершения – договор возвратной платы³².

Гарантии организациям науки, культуры и образования – это государственные обязательства поддержки научной, культурной и образовательной деятельности в форме дифференцированных финансовых нормативов, устанавливающих минимальные доли расходов в бюджетах всех уровней, направляемых на поддержку производителей опекаемых благ. При этом обязательства в отношении объема бюджетных субсидий государственным и муниципальным организациям должны быть установлены с учетом гарантий по оплате труда работников и доступности для населения указанных видов опекаемых благ.

Подчеркну, что для гуманитарного сектора экономики, нуждающегося в «защите» от никогда не исчезающего в России «остаточного принципа» и всегдашней готовности власти принести в жертву бюджетную поддержку науки, культуры и образования, институт бюджетных нормативов раскрывает еще один принцип консоциативной демократии, целью которой в том числе является поддержание статус-кво и создание стабилизирующих механизмов (Ормонбеков (2007, с. 98)). Введение этого института в финансировании гуманитарного сектора экономики означает, по сути, приобретение им статуса «защищенных статей бюджета», что обеспечи-

32. В качестве предтечи можно назвать кредитные схемы М. Фридмана и его последователей (*Friedman* (1962), *Johnes* (1993, p. 133)).

вает минимально гарантированный уровень субсидирования науки, образования и культуры³³. Бюджет развития этих отраслей следует связать с другим институтом консоциативной демократии — индивидуальными бюджетными назначениями (ИБН).

Содержательная доминанта этого института — превращение граждан в субъекты бюджетной политики, определяет их непосредственное участие в выработке нормативных установок «политически агрегированного индивидуума» и соответствующем распределении бюджетных средств (*Рубинштейн (2010б, с. 164), Рубинштейн (2014, с. 507–508)*). Предтечей данного института, отвечающего принципам консоциативной демократии, является практика ряда европейских стран, использующих механизм «процентной филантропии», в соответствии с которой — по решению каждого налогоплательщика — от 1 до 2% его подоходного налога направляются на социально-культурные нужды по его выбору (*Fazekas (2000), Kuti, Vajda (2000), Кнац, Соборников, Тисленко (2010), Хаунина (2012, 2013)*)³⁴.

Следует особо отметить то обстоятельство, что институт индивидуальных бюджетных назначений, а частично и «партиципаторное бюджетирование», позволяют смягчить отмеченное выше хроническое противоречие между либеральной доктриной и представительной демократией. Причем в отличие от «партиципаторного бюджетирования» выбор граждан на основе института индивидуальных бюджетных назначений является окончательным и не зависит от решений представительной и исполнительной власти. Процедура института индивидуальных бюджетных назначений предусматривает возможность управления небольшой частью бюджетных ресурсов, таким образом реализуется право граждан самостоятельно решать, какие виды опекаемых благ имеют для них наибольшее значение.

33. Отмечу, что данный институт уже существовал в культуре, в виде одной из норм «Основ законодательства РФ о культуре» (ст. 45), принятых в 1992 г. В последующие годы Минфин приостанавливал действие этой статьи, а в 2005 г. она была изъята из Закона.

34. В качестве своеобразных «родственников» следует назвать также «церковный налог» (*Хаунина (2014, с. 200–205)*) и практику «партиципаторного бюджетирования» (*Keblowski (2013)*). При этом процедура «партиципаторного бюджетирования» в основном применяется на местном уровне и предполагает выяснение мнения населения о целесообразных расходах соответствующего бюджета, в утверждении которого принимают участие только «выборные люди».

Введение этого института может создать регулярный источник поддержки культурной, научной и образовательной деятельности. При этом эффективность данного института и масштабы финансовой поддержки гуманитарного сектора экономики значительно вырастут, если будет использована стратегия «тратить, не растрачивая, накапливать». Реализация этой стратегии, основанная на комбинации института индивидуальных бюджетных назначений и эндаумент-фондов, станет одновременно и существенным шагом на пути создания бюджета развития гуманитарного сектора экономики и снижения его зависимости от сиюминутных решений власти. Это обусловлено регулярностью индивидуальных бюджетных назначений, увеличивающихся из года в год фонд целевого капитала.

Механизм эндаумент-фондов, соответствующий данной стратегии, уже доказал эффективность в обеспечении стабильного источника финансирования гуманитарных программ (*Абанкина и др. (2014, с. 105–113)*). Годы, прошедшие с момента вступления в силу Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций», охарактеризовались активным созданием эндаумент-фондов (*Целевой капитал... (2014, с. 75)*). Однако из-за нехватки финансовых ресурсов эта модель пока имеет небольшое распространение (*Музычук (2013, с. 243–244)*). Ее реальное развитие требует дополнительных источников пополнения фондов целевого капитала.

В предлагаемой консоциативной модели предусматривается формирование отраслевых эндаумент-фондов в форме независимых некоммерческих организаций на региональном и федеральном уровнях для культурной, научной и образовательной деятельности. Для обеспечения их достаточными финансовыми ресурсами кроме традиционных источников формирования целевого капитала предлагается механизм его пополнения за счет поступлений от индивидуальных бюджетных назначений, маркированных налогов³⁵ и «возвратной платы»³⁶.

35. В данном случае – это специальные налоги, предусматривающие прямое направление в эндаумент-фонды культуры, науки и образования доходов от конкретных видов налогов и сборов. Их перечень устанавливается налоговым законодательством или иными нормативными актами.

36. Не вдаваясь в детали, что «возвратная плата» может распределяться между работодателем, использующим квалифицированный труд, и наемным работником, являющимся выпускником государственного вуза. Подробнее см.: (Рубинштейн (2008а, с. 383–384)).

В этом случае ежегодные взносы будут сохраняться и накапливаться в соответствующих эндаумент-фондах, обеспечивая возрастающий инвестиционный доход от целевого капитала, направляемый на поддержку организаций культуры, науки и образования. Следует подчеркнуть особо, что в отличие от субсидий, выделяемых в соответствии с бюджетными нормативами, обеспечивающими выполнение государственных обязательств, доходы эндаумент-фондов должны рассматриваться в виде бюджета развития и распределяться исключительно на конкурсной основе в виде соответствующих грантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состоявшаяся журнальная дискуссия, в которой приняли участие многие экономисты, социологи и политологи, представляющие различные научные школы и мировоззрения, дает основание для общего вывода о том, что социальный либерализм следует воспринимать как неотъемлемую составляющую экономической реальности. И хотя отдельные авторы по-прежнему настаивают на том, что «социал-либерализм — результат капитуляции значительной части либералов перед социализмом» (*Яновский, Жаворонков (2013, с. 69)*), и они готовы обсуждать патернализм только в негативной коннотации «отцовской заботы патера», все же необходимо отметить, что современный тренд теоретических и прикладных исследований связан с новыми формами активности государства, определяющими его экономическую политику. В данном контексте мериторику Масгрейва продолжили либертарианский (*Sunstein, Thaler (2003)*) и ассиметричный патернализм (*Camerer et al. (2003)*).

Одновременно с этим теоретический анализ определил и новую повестку дня, связанную с необходимостью коррекции институционального обеспечения социального либерализма в пользу гражданского общества и перераспределения властных полномочий. Речь идет об институтах сотрудничества (*Полтерович (2015)*), развитии гражданской самоорганизации и институционализации общественных групп (*Якобсон (2016)*), институтах «рассредоточения власти» (*Lijphart (1999)*). В теории опекаемых благ это направ-

ление нашло отражение в концепции консоциативного патернализма (Рубинштейн (2015)).

Отмечу, что прошедшая дискуссия выявила мощный исследовательский потенциал, который не мог вместиться в статьях, опубликованных в журнале «Общественные науки и современность». Уверен, это «не конец истории», работы на данную тему будут и дальше появляться в различных изданиях. Продолжением дискуссии, в частности, стала статья «На какие свойства человека может опереться экономический либерализм», опубликованная в августовском номере «Вопросов экономики» (Автономов (2015)). Представленное в ней сравнительное исследование мировоззрения теоретиков либерализма (Бастии, Мизеса, Хайека, Ойкена и Фридмена) позволило сделать вывод о наличии двух свойств человека – ценности свободы и разумного стремления к материальной выгоде, обуславливающих возможность проведения либеральной экономической политики. При этом, по мнению автора, «либерализм, опирающийся только на материальную выгоду, неизбежно становится патерналистским» (Автономов (2015, с. 22)).

Данный вывод имеет более общий характер. Мне кажется, что рассчитывать на «идеальный тип» человека с абсолютным чувством свободы, не конфликтующим с «материально выгодой», – это значит уходить от реальности. И в этом смысле всякий либерализм имеет патерналистскую составляющую³⁷. Замечу также, что и в обществе с рабским сознанием, пусть в небольшой степени, присутствует все же естественная склонность человека к свободе. Как и все крайности – это лишь удобная метафора. Наверное, более точно говорить о пространственных и временных распределениях «ценности свободы».

В указанном смысле данное свойство оказывается очень полезным для общего социального анализа. В частности, ученые, занимающиеся исследованием реформ, должны, по-видимому, учитывать данный параметр. Рискну предположить даже, что мно-

37. Если только не становиться на позиции Яновского и Жаворонкова (Яновский, Жаворонков (2013, с. 69)), повторивших аргументы Фредерика Бастии, который исходил из божественного происхождения свободного человека, который может ошибаться, но Бог даровал ему и способность обучаться на собственном опыте (Бастиа (2007, с. 74)). Роль «патера», наставляющего человека на путь истинный, здесь принадлежит Создателю и созданной им гармонии.

гие «институциональные ловушки» можно объяснить отставанием склонности к свободе от трансплантируемых институтов. Мне кажется также, что «ценность свободы» дает основание по-другому взглянуть и на существующие разновидности патернализма, упорядочив их именно по этому параметру.

Не буду писать о крайней позиции — архаичном патернализме, но можно с уверенностью сказать, что по отношению к нему мериторный патернализм ориентирован на общество с большим чувством свободы. Да и используемый в рамках данной концепции инструментарий — субсидии, налоговые льготы производителям и трансферты потребителям, предоставляет людям большую свободу выбора. В этом смысле либертарианский патернализм существенно расширяет возможности потребительского выбора. Как оптимистично утверждают его авторы, присущая ему политика подталкивания («*nudge*») «устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора» (*Sunstein, Thaler (2003, p. 1188)*).

Следующий шаг в направлении обеспечения больших свобод индивидуумам сделан еще одной группой представителей «нового патернализма», которые обратили внимание на то, что патерналистские действия государства не должны затрагивать тех, кто ведет себя рационально: «асимметричный патернализм помогает тем, чья рациональность ограничена и очень мало вредит более рациональным людям» (*Camerer et al. (2003, p. 1254)*). На основе этих рассуждений и используя для упорядочения разновидностей патернализма параметр «ценность свободы», можно построить сводную таблицу (табл. 1).

В данной таблице (последняя графа) представлена еще одна разновидность патернализма, рассмотренного в настоящей работе. Ее отличие от мериторного и нового патернализма обусловлено дополнительным «подключением» институтов консоционализма, обеспечивающих реализацию одного из фундаментальных принципов либеральной демократии. Речь идет о том, что «люди, которых затрагивают те или иные политические решения, должны иметь возможность участвовать в процессе их принятия» (*Симон, Фурман (2015, с. 2)*). Иначе говоря, институты консоциативного патернализма обеспечивают либерализацию самой процедуры формирования нормативных установок, увеличивая тем самым свободы

Таблица 1. Либеральная эволюция патернализма*

	Архаичный патернализм (Pique de Bru (1980))	Мериторный патернализм (Misgrave (1959))	Новый патернализм (Капелюшников (2013а, б))		Консоциативный патернализм (Рубинштейн (2015))
			Либертарианский патернализм (Sunstein, thaler (2003))	Асимметричный патернализм (Camerer et al. (2003))	
	S_1	$S_1 < S_2$	$S_2 < S_3^1$	$S_3^1 < S_3^2$	$S_3^2 < S_4$
«Отцовская забота» государства о гражданах					
Концепция множественности «Я»					
Формирование установок «патера» – «Правящее большинство»					
Институты «субсидий и налогов»					
Институты «Nudge»					
Концепция автономных предпочтений «Патера» (нормативный стандарт)					
Формирование установок «патера» – Институты консociативной демократии					

* S – «Ценность свободы» (Автономов (2015)).

людей на более высоком уровне, дополняя свободы их потребительского выбора.

Если предложенную классификацию различных видов патернализма, построенную на основе их упорядочения по критерию «ценности свободы», наложить еще на ось времени, то можно заметить, что их появление оказывается упорядоченным и во времени. Данный результат позволяет сформулировать важное теоретическое утверждение, относящееся в целом к социальному либерализму, – патернализм, являясь частью экономической реальности, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию, имеющую явно выраженную либеральную направленность.

Подчеркну, речь идет исключительно о теоретической закономерности, о некоем институциональном тренде. При этом реальная экономическая политика далеко не всегда опирается на соответствующие институциональные возможности. Для того, чтобы выявленную закономерность сопоставить с экономической политикой той или иной страны, достаточно использовать ту же самую шкалу «ценности свободы». И вновь процитирую Автономова: «...возможности либеральной политики различаются в зависимости от того, обладает ли «целевое» население сформировавшейся и привычной ценностью свободы» (*Автономов (2015, с. 22)*).

Если говорить о населении нашей страны, то повторю слова Н. Тихоновой: «... в его сознании сегодня парадоксальным образом уживаются как некоторые типичные для либерализма ценности, так и набор норм и ценностей, характерных для «неоэтакратических» обществ» (*Тихонова (2013, с. 38)*). Практика последних двадцати лет свидетельствует, что российские люди с готовностью согласились на тотальное господство государства практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Судя по всему, население нашей страны еще не обладает достаточно развитой и устойчивой склонностью к свободе (*Аврамова (2015, с. 111)*). Это, конечно, гипотеза, но она позволяет объяснить, почему экономическая политика в современной России по-прежнему находится где-то между архаичным и мериторным патернализмом.

Следует обратить внимание еще на одну российскую особенность, на парадоксальную связь либерализма и патернализма,

которая уже более двадцати лет проявляется в экономической политике, часто со всеми негативными ее элементами, характерными для архаичного патернализма, когда даже либеральные идеи, не проходя сито консociативного отбора, перерождаются в свою противоположность. Достаточно вспомнить ваучерную приватизацию или валютное регулирование.

В качестве позитивных ожиданий, в которые хочется верить, вновь процитирую Тихонову: «Оценивая перспективы эволюции массового сознания в сторону либеральных ценностей, нельзя не учитывать и то, что, как показывают результаты работы всех основных занимающихся анализом динамики норм и ценностей исследовательских групп³⁸, в России ... наблюдается общий дрейф от нормативно-ценностных систем населения, характерных для культур коллективистского типа, к индивидуалистическим ориентированным культурам» (Тихонова (2013, с. 39)). Возможно, этот дрейф не в слишком далеком будущем создаст условия для институциональных изменений в процессах формирования нормативных интересов общества и станет драйвером перехода от архаичного к консociативному патернализму, который, есть основания думать, является ядром социального либерализма в XXI столетии.

38. В частности, это исследования Н. Лапина и Л. Беяевой, В. Магуна и М. Руднева, Н. Латовой, Н. Лебедевой и А. Татарко, выполненные с использованием различных методик и на разных массивах данных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикации и доклады на конференциях в 2013–2015 гг. по проблематике «Критика базовых предпосылок экономического анализа» и «Теория опекаемых благ»

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ

1. Studing «Patronized Goods» in Cultural Sector. Econometric Model of Baumol's Disease. Part I. Creative and Knowledge Society // International Scientific Journal. 2013. Vol. 1.
2. Нормативный вектор в экономическом анализе: второе открытие мериторики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. №2(17).
3. The theory of «patronized goods» in the optics of comparative methodology // International Journal of Entrepreneurial Knowledge. 2013. Vol. 3.
4. Театральная деятельность в России: RPR—анализ опекаемых благ // Экономическая наука современной России. 2013. №4 (63).
5. От теории к практике экономического регулирования: десять тезисов к проекту «Закона о культуре» // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. №4(24).
6. Индивидуум и государство: экономическая дилемма (предисловие к новой монографии по теории экономической социодинамики) (в соавт. с Р. Гринбергом) // Российский экономический журнал. 2014. №3.
7. Optimization or Degradation? Russian Culture between the Past and the Future (в соавт. с В. Музычук) // Social Sciences. 2014. No. 6.
8. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. №2(26).

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1. Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН, 2013.
2. Методологический анализ теории опекаемых благ. М.: ИЭ РАН, 2014.
3. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное. М.: ИЭ РАН, 2015.

МОНОГРАФИИ, СБОРНИКИ, УЧЕБНИКИ

1. Индивидуум и государство: экономическая дилемма (в соавт. с Р. Гринбергом). М.: Весь мир, 2013.
2. Культура и рынок. Опекаемые блага / Отв. ред. А.Я. Рубинштейн и В.Ю. Музычук. СПб.: Алетейя, 2013.
3. Urbi et orbi / Под общ. ред. Р.С. Гринберга, А.Я. Рубинштейна. В 3 т. СПб.: Алетейя, 2014. Т. 1. Теоретическая экономика / Под ред. А.Я. Рубинштейна (Библиотека Новой экономической ассоциации).
4. Экономика общественного сектора (новая теория): учеб. (в соавт. с Р. Гринбергом, Р. Нуреевым, О. Белоусовой). М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015.

ДОКЛАДЫ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

1. Нормативный вектор в экономическом анализе // Второй Российский экономический конгресс. Суздаль, 18–22 февраля 2013 г.
2. «Нормативный поворот» в экономическом анализе. Методология, теория, политика // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Москва, ГУ-ВШЭ, 2–5 апреля 2013 г.
3. Теория опекаемых благ в зеркале сравнительной методологии // X Международный симпозиум по эволюционной экономике «Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты». Пушино, 12–14 сентября 2013 г.
4. Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии // Международная научная конференция «Государство и рынок. К пятидесятилетию концепции экономической социодинамики». Москва, 20–21 ноября 2013 г.

5. Опекаемые блага культуры и искусства: институты общественной поддержки (в соавт. с В. Музычук, Е. Хауниной) // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва, ГУ-ВШЭ, 1–3 апреля 2014 г.
6. Опекаемые блага: институты общественной поддержки // 10 лет Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова. Юбилейная конференция «Новый этап социально-экономического развития: проблемы и перспективы России». Москва, МШЭ, 22–23 апреля 2014 г.
7. Опекаемые блага культуры и искусства: институты общественной поддержки (в соавт. с В. Музычук, Е. Хауниной) // 17-й Всемирный конгресс Международной экономической ассоциации в Иордании, 6–10 июня 2014 г.
8. Институты экономического регулирования культурной деятельности // Ежегодная конференция Новой экономической ассоциации «Культура в фокусе научных исследований». Москва, 11–12 ноября 2014 г.
9. Теория опекаемых благ и патернализм в экономических теориях: общее и особенное // XIV ежегодная международная конференция из цикла: «Актуальные проблемы экономического развития России. Социальный либерализм: между свободой и этатизмом». Санкт-Петербург, 13–14 февраля 2015 г.
10. Индекс опекаемых благ (индекс формирования человеческого капитала) (в соавт. с О. Славинской) // XVI Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества». Москва, ГУ-ВШЭ, 7–10 апреля 2015 г.
11. Институты экономического регулирования: семь тезисов к проекту «Закона о культуре» // Научная конференция «Культурная политика и стратегия развития культуры России». Москва, 30 июня – 1 июля 2015 г.
12. Теория патернализма и институты консоциативной демократии // XI Симпозиум по эволюционной экономике «Эволюция капитала, экономические циклы, институциональная динамика. Базовые предпосылки экономической теории». Пушкино, 25–26 сентября 2015 г.
13. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // Ежегодная конференция Новой экономической ассоциации «Стратегия экономического развития и будущее российской экономики». Москва, 17–18 ноября 2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абанкина Т.В., Кушитанина Е.В., Романова В.В., Рудник Б.А.* Государственная поддержка культуры. М.: Высшая школа экономики, 2014.
2. *Аврамова Е.М.* Есть ли в современном российском обществе запрос на социальный либерализм? // *Общественные науки и современность.* 2015. №3.
3. *Автономов В.С.* Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность.* 2014. №3. С. 53–56.
4. *Автономов В.С.* На какие свойства человека может опереться экономический либерализм // *Вопросы экономики.* 2015. №8. С. 5–24.
5. *Аристотель.* Политика // *Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4.*
6. *Асемоглу Д., Робинсон Дж.* Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // *Вопросы экономики.* 2013. №12. С. 4–28.
7. *Балацкий Е.В.* Институциональные особенности либертарианской модели экономики // *Общественные науки и современность.* 2014. №4. С. 18–32.
8. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии. Избранное / *Фредерик Бастиа.* М.: Эксмо, 2007.
9. *Берлин И.* Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
10. *Бондаренко Т.Ю.* Принципы консоциативной демократии в государственном строительстве за пределами Европы // *Политическая наука.* 2008. №4. С. 213–223.
11. *Высшее образование в России: правила и реальность / Отв. ред. С.В. Шишкин.* М.: НИСП, 2004.
12. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Проблемы общей теории социальной экономики // *Экономическая наука современной России.* 1998. №2. С. 34–56.
13. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М.: ИСЭПРЕСС, 2000.
14. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013.

15. Дамье В.В. История анархо-синдикализма: Краткий очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
16. Дози Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. №12.
17. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев-Харьков, 1899.
18. Заостровцев А.П. Социальный либерализм: анализ с позиций австрийской школы // Общественные науки и современность. 2015. №1. С. 64–74.
19. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №4.
20. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. 2013а. №9. С. 66–90.
21. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть II // Вопросы экономики. 2013б. №10. С. 24–46.
22. Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: ИЭ РАН, 2013а.
23. Кирдина С.Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013б. №10. С. 66–89.
24. Кирдина С.Г. Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // Общественные науки и современность. 2014. №5. С. 60–75.
25. Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социс. 2015. № 12. С. 51–59.
26. Кнац Ю., Сборников И., Тисленко Д. «Процентная филантропия»: о возможности введения в России налога на содержание некоммерческих организаций. М., 2010. http://tmbv.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7323:1-r-&catid=331:2010-08-03-0828-12&Itemid=400/
27. Ковельман А.Б. Толпа и мудрецы талмуда. Москва-Иерусалим, 1996.
28. Курбатова М.В., Левин С.Н. Методологические альтернативы «экономического мейнстрима»: сравнительная характеристика // Общественные науки и современность. 2013. №5. С. 76–89.
29. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия / Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

30. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997.
31. *Лефевр С.* Социальная роль предприятий в России: объяснительные возможности термина «патернализм» // Мир России. 2008. Т. 17. № 3. С. 149–170.
32. *Лещак О.В.* Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология. Тернополь–Кельце: Підручники & посібники, 2002.
33. *Либман А.М.* Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. 2013. №1. С. 27–38.
34. *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
35. *Майерсон Р.* Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. 2010. №6.
36. *Макаров В.А., Рубинштейн А.Я. и др.* Модернизация и экономическая безопасность России. Российская академия наук, Отделение общественных наук, Секция экономики. Москва, 2010.
37. *Мельник Д.В.* Концепция социального либерализма на «рынке идей» современной России // Общественные науки и современность. 2015. №2. С. 43–53.
38. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005.
39. *Музычук В.Ю.* Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. СПб.: Нестор История, 2013.
40. *Музычук В.Ю., Рубинштейн А.Я.* Оптимизация или деградация? Между прошлым и будущим российской культуры // Общественные науки и современность. 2014. №6. С. 5–22.
41. *Нджоку Р.* Что такое консоционализм? Практика федерализма. Поиски альтернатив для Грузии и Абхазии. М.: Весь мир, 1999. http://poli.vub.ac.be/publi/orderbooks/federal_r/12njoku.pdf.
42. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2011.
43. *Ормонбеков Ж.* Теория консоционализма Аренда Лейпхарта // Журнал «Казанский федералист». 2007. №1–2 (21–22).
44. *Павлов И.А.* Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: ИЭ РАН, 2007.

45. Павлов И.А. Феномен «уклонения от двусмысленности» в теории рационального выбора. М.: ИЭ РАН, 2011.
46. Платон. Государство / Платон. Собр. соч. в 3 т. Т. 3(1). М., 1971.
47. Полищук Л.И. Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики. 2013. №9. С. 40–65.
48. Полтерович В.М. Политическая культура и трансформационный спад // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. №4 . С. 95–103.
49. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. №2. С. 101–111.
50. Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. №4. С. 41–64.
51. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. №2. С. 12–37.
52. Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. №2. С. 176–200.
53. Рабин М. Интеграция ограниченной рациональности в экономическую науку // Вопросы экономики. 2014. №5.
54. Радыгин А., Энтов Р. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. №12. С. 4–30.
55. Рубинштейн А.Я. Наука, культура и образование: препятствие или условие экономического роста? // Российский экономический журнал. 2005. №4. С. 32–40.
56. Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция общественного интереса. СПб.: Алетея, 2008а.
57. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». М.: ИЭ РАН, 2008б.
58. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а. №1.
59. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009б. №2.
60. Рубинштейн А.Я. Меритория и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // Вопросы экономики. 2009с. №11.

61. Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010а.
62. Рубинштейн А.Я. Экономический кризис и социальная политика. Вместо заключения // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010б. №6.
63. Рубинштейн А. К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики. 2011. №3. С. 65–87.
64. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность, 2012. №6. С. 13–34.
65. Рубинштейн А.Я. Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН, 2013.
66. Рубинштейн А.Я. Методологический анализ теории опекаемых благ // *Urbī et Orbī* / Под общ. ред. Р.С. Гринберга и А.Я. Рубинштейна. В 3 т. Т. 1. Теоретическая экономика. СПб.: Алетейя, 2014.
67. Рубинштейн А.Я. Экономический кризис и новая парадигма общественной поддержки опекаемых благ // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. №2(26).
68. Рубинштейн А.Я., Сорочкин Б. Ю. и др. Финансовые аспекты реформирования отраслей социальной сферы. М.: Институт экономики переходного периода, 2003. Серия №60Р «Научные труды».
69. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3.
70. Самуэль Г. Либерализм. Опыт изложения принципов и программы современного либерализма. М.: URSS, 2010.
71. Симон М.Е., Фурман Е.Д. Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение. М.: ИЭ РАН, 2015.
72. Тамбовцев В.Л. Перспективы «экономического империализма» // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 129–136.
73. Тамбовцев В.Л. Методологический анализ и развитие экономической науки // Общественные науки и современность. 2013. №4. С. 145–154.
74. Тамбовцев В.Л. Общественные блага и общественные интересы: есть ли связь? // Вопросы экономики. 2014. №11. С. 25–40.
75. Темницкий А.А. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. №2(10).

76. Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 32–44.
77. Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (взгляд политолога) // *Общественные науки и современность*. 2013. №3. С. 30–43.
78. Урнов М.Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы. М.: НИУ Высшая школа экономики, 2014.
79. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» — дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2012. №2(14).
80. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» — проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности / *Культура и рынок. Опекаемые блага*. СПб.: Алетейя, 2013.
81. Хаунина Е.А. От церковного налога к институту индивидуальных бюджетных назначений // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2014. №4(24). С. 200–205.
82. Хиллман А.А. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
83. Целевой капитал: как его создать и что нужно знать о функционировании данной модели: Сб. практических рекомендаций / Под общ. ред. А.А. Барковец. М.: Форум Доноров, 2014.
84. Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберовской исследовательской программы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. Т. VII. №2. С. 22–50.
85. Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001.
86. Якобсон Л.И. Социальная политика ювенеального общества // *Общественные науки и современность*. 2016. №1 (в печати).
87. Яновский К.Э., Жаворонков С.В. Плоды социального либерализма и некоторые причины устойчивого выбора неэффективных стратегий // *Общественные науки и современность*. 2013. № 6. С. 61–74.
88. Agassi J. Methodological individualism // *The British Journal of Sociology*. 1960. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
89. Baumol W.J., Bowen W.G. *Performing Arts: The Economic Dilemma*. New York: The Twentieth Century Fund, 1966.
90. Boudon R. *La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique*. Paris: Hachette, 1979.

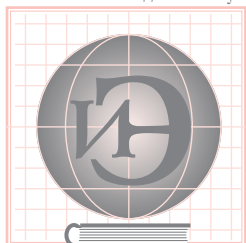
91. Brennan G., Lomasky L. Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis // Finanzarchiv. 1983. No. 41. S. 183–206.
92. Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M. Regulation for Conservatives. Behavioral Economics and the Case for 'Asymmetric Paternalism' // University of Pennsylvania Law Review. 2003. Vol. 151. Pp. 1211–1254.
93. Coleman J.S. Grundlagen der Sozialtheorie. 3 Bde. München, 1991.
94. Crick B. In Defense of Politics. Harmondsworth and New York: Penguin, 2000.
95. D'Amico D. Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Universita de Pavia, 2009.
96. Debouzy M. In the Shadow of the Statue of Liberty: Immigrants, Workers and Citizens in the American Republic (1880–1920). Saint-Denis: Presses Universitaires de Vincennes, 1988.
97. Dosi G., Marengo L., Fagiolo G. Learning in Evolutionary Environments // The Evolutionary Foundations of Economics. Cambridge: Cambridge University press, 2005.
98. Fazekas E. The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere // The Journal of East European Law. 2000. Vol. 7. No. 3–4.
99. Ferejohn J. Instituting Deliberative Democracy. Designing Democratic Institutions / Ed. by Ian Shapiro and Stephen Macedo. New York University Press, 2000.
100. Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
101. Grinberg R., Rubinstein A. Economic Sociodynamics. Berlin, New York: Springer, 2005.
102. Halpern Sue M. The Disorderly Universe of Consociational Democracy // Western European Politics. 1986. Vol. 9. No. 2. Pp. 181–182.
103. Head J.G. On Merit Wants // Finanzarchiv, 1988, 46.
104. Heywood A. Politics. Second edition. London: Palgrave Macmillan, 2002.
105. Hodgson G. Meanings of Methodological Individualism // Journal of Economic Methodology. 2007. Vol. 14. No. 2. Pp. 211–226.
106. Jobnes G. The Economics of Education. London: Macmillan, 1993.
107. Kahneman D., Tversky A. (Eds.). Choices, Values and Frames. New York: Cambridge University Press, 2000.

108. *Katona G.* Psychological Analysis of Economic Behavior. NY: McGraw-Hill, 1951.
109. *Keblowski W.* Budżet Partycypacyjny krótka instrukcja obsługi. Warszawa: Instytut Obywatelski, 2013.
110. *Kuti E., Vajda A.* Citizen's Votes for Non-Profit Activities in Hungary. Non-profit Information and Training Center – Non-Profit Research Group. 2000.
111. *Lijphart A.* The Politics of Accommodation. Berkeley: University of California Press, 1968.
112. *Lijphart A.* Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven: Yale University Press, 1977.
113. *Lijphart A.* Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thir-ty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999.
114. *Müller Ch., Tietzel M.* Merit goods from a constitutional perspective. In: Brennan G. et al. (eds). Method and morals in Constitutional Economics: Essays in Honor of James M. Buchanan. Berlin & New York: Springer, 2002.
115. *Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. N.Y.–London: McGraw-Hill, 1959.
116. *Musgrave R.A.* Provision for Social Goods. In: Margolis J., Guitton H. (eds.). Public Economics. London-Basingstoke: MacMillan, 1969.
117. *Musgrave R.A., Musgrave P.B., Kullmer L.* Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis, Band 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
118. *Noiriel G.* Du patronage au paternalisme: la restructuration des formes de domination de la main d'oeuvre ouvriere dans l'industrie metallurgique francaise // Le Mouvement social. Paternalismes d'hier et d'aujourd'hui. 1988. No. 144.
119. *Nordhaus W.* "Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective," Contributions to Macroeconomics // Berkeley Electronic Press. 2008. Vol. 8(1).
120. *Perrot M.* Le regard de l'Autre: les patrons franpaisvus par les ouvriers rassembles (1880—1914) 11 Lec patronat de la seconde industrialisation, études rassembles par M. Levy-Leboyer. Paris: Éditions Ouvrières, 1979.
121. *Pique de Bry F.* Le paternalisme dans l'opinion des industriels français du XIXème siecle. These d'Etat en Sciences Economiques, Université de Paris I, 1980.

122. *Rubinshteyn A.* Studing «Patronized Goods» in Cultural Sector. Econometric Model of Baumol's Disease. Part I. Creative and Knowledge Society // International Scientific Journal. 2013a. No. 1.
123. *Rubinshteyn A.* Studing «Sponsored Goods» in Cultural Sector. Econometric Model of Baumol's Disease. Part II. Creative and Knowledge Society // International Scientific Journal. 2013b. №3.
124. *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // Review of Economics and Statistics. 1954. Vol. 36. No. 4.
125. *Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 108. Jahrgang 1988.
126. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing: I. Detection, Search, and Attention // Psychological Review. 1977a. Vol. 84. No. 1. Pp. 1–66.
127. *Schneider W., Shiffrin R.M.* Controlled and Automatic Human Information Processing: II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // Psychological Review. 1977b. Vol. 84. No. 2. Pp. 127–190.
128. *ShEFRin H.M., Thaler R.* An Economic Theory of Self. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper. 1978. No. 208.
129. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. 1955. Vol. 69. No. 1. Pp. 99–118.
130. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice. In: Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting. New York: Wiley, 1957.
131. *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // Bell Journal of Economics. 1971. Vol. 2(1).
132. *Sunstein C., Thaler R.* Libertarian paternalism is not an oxymoron // University of Chicago Law Review. 2003. Vol. 70. No. 4. Pp. 1159–1202.
133. *Thaler R.H.* From Homo Economicus to Homo sapiens // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. No. 1. Pp. 133–141.
134. *Thaler R.H., ShEFRin H.M.* An Economic Theory of Self-Control // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89.
135. *Thaler R., Sunstein C.* Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008.

136. *Tietzel M., Müller C.* Noch mehr zur Meritorik // Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften. 1998. Vol. 118. Heft 1.
137. *Toboso F.* On Institutional Individualism and Institutional Change: the Search for a Middle Way Mode of Explanation // Cambridge Journal of Economics. 2001. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.
138. *Udehn L.* The Changing Face of Methodological Individualism // Annual Review of Sociology. 2002. Vol. 28. Pp. 479–507.
139. *Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. 3 Aufl. Tübingen, 1968.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.Я. Рубинштейн

Институциональная эволюция патернализма

Оригинал-макет — *Валериус В.Е.*

Редактор — *Ерзнкян М.Д.*

Компьютерная верстка — *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 05.11.2015 г.

Заказ № 34. Тираж 300. Объем 3,4 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0548-4

9 785994 005484